

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра дипломатической и консульской службы

ХОДАСЕВИЧ
Наталья Дмитриевна

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО
КОНФЛИКТА

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент О.И. Лазоркина

Допущена к защите

«___» _____ 2020 г.

Зав. кафедрой дипломатической и консульской службы
доктор исторических наук, доцент А.В. Русакович

Минск, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	13
1.1 Историография проблемы.....	13
1.2 Источники и методы исследования.....	16
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ АРАБО- ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА.....	22
2.1 Историческая ретроспектива: от установления контактов к военному противостоянию и началу переговорного процесса.....	22
2.2 Обострение конфронтации и кризис процесса дипломатического урегулирования.....	25
2.3 Переговорный процесс в XX веке: факторы успеха и дестабилизации.....	32
ГЛАВА 3. АРАБСКИЙ ВЕКТОР ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА.....	38
3.1 Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 г.: первый шаг к миру.....	38
3.2 Особенности переговорного процесса между Сирийской Арабской Республикой, Государством Израиль и Ливанской Республикой.....	46
3.3 Процесс эволюции дипломатического урегулирования и израильско- иорданский мирный договор.....	56
ГЛАВА 4. ПОИСКИ ПУТЕЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	62
4.1 Дипломатическое урегулирование палестинской проблемы на рубеже веков и актуальное состояние мирного процесса.....	62
4.2 Перспективы и рекомендации в отношении процесса мирного урегулирования.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ....	83

РЕФЕРАТ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ

Ходасевич Натальи Дмитриевны

Дипломатические аспекты арабо-израильского конфликта

1. Структура и объем дипломной работы

Дипломная работа состоит из задания на дипломную работу, оглавления, реферата дипломной работы, введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников. Общий объем работы составляет 74 страницы. Список использованных источников занимает 14 страниц и включает 148 наименований.

2. Перечень ключевых слов

ДИПЛОМАТИЯ, АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ, БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ, ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС, МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ, ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА, ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ, СИРИЙСКАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА, ИОРДАНСКОЕ ХАШИМИТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО, ГОСУДАРСТВО ЛИВИЯ, АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЕГИПЕТ, ГОСУДАРСТВО ПАЛЕСТИНА.

3. Содержание работы

Объект исследования – процесс дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта.

Предмет исследования – комплекс мер, предпринятых в контексте дипломатического урегулирования и влияние данных факторов на динамику ближневосточного конфликта и сопутствующих кризисных явлений.

Цель работы – комплексное изучение дипломатических аспектов арабо-израильского конфликта, включающее в себя фиксирование позиций участников конфликта, иных заинтересованных сторон и непосредственного их влияния на процесс дипломатического урегулирования на разных стадиях переговорного процесса, сравнительный анализ моделей данного процесса и оценка эффективности предпринимаемых сторонами шагов, прогнозирование на основе произведенного исследования перспектив мирного урегулирования и возможных форм реагирования заинтересованных сторон на тот или иной вариант развития событий.

Методы исследования. Основой исследования выступают группа общенаучных и специальных методов. Общенаучные методы охватывают большую часть логических приемов: индукцию, дедукцию, обобщение, анализ. Комплекс специальных методов содержит элементы цивилизационного, ретроспективного, нарративного, историко-сравнительного, содержательно-аналитического методов.

Полученные итоги и их новизна. Данная работа является первой в белорусской историографии попыткой проанализировать весь процесс урегулирования ближневосточного конфликта от его возникновения до настоящего времени в контексте комплекса предпринимаемых дипломатических мер, подразумевающих предварительный этап подготовки к переговорам, сам

переговорный процесс и дипломатическое сопровождение реализации достигнутых договоренностей.

Достоверность материалов и результатов дипломной работы. Использованные материалы и результаты дипломной работы являются достоверными. Работа выполнена самостоятельно.

Рекомендации по использованию результатов работы. Содержащиеся в исследовании основные положения и фактологический материал могут быть использованы для подготовки аналитических материалов для дипломатических кругов, при подготовке лекционных курсов по проблематике ближневосточного мирного урегулирования, для дальнейших научных исследований данной проблематики в качестве историографической базы, а также для подготовки учебных пособий дипломатической, политологической и исторической направленности.

РЭФЕРАТ ДЫПЛОМНАЙ ПРАЦЫ

Хадасевіч Наталлі Дзмітрыеўны

Дыпламатычныя аспекты араба-ізраільскага канфлікту

1. Структура і аб'ём дыпломнай працы

Дыпломная праца складаецца з задання на дыпломную працу, зместа, рэферата дыпломнай працы, уводзінаў, чатырох глаў, заключэння, спісу выкарыстаных крыніц. Агульны аб'ём працы складае 74 старонкі. Спіс выкарыстаных крыніц займае 14 старонак і ўключае 148 найменняў.

2. Пералік ключавых слоў

ДЫПЛАМАТЫЯ, АРАБА-ІЗРАІЛЬСКІ КАНФЛІКТ, БЛІЗКАЎСХОДНІ КАНФЛІКТ, ПЕРАМОЎНЫ ПРАЦЭС, МІРНАЕ ЎРЭГУЛЯВАННЕ, ПАЛЕСТЫНСКАЯ ПРАБЛЕМА, ДЗЯРЖАВА ІЗРАІЛЬ, СІРЫЙСКАЯ АРАБСКАЯ РЭСПУБЛІКА, ІАРДАНСКАЕ ХАШЫМІДСКАЕ КАРАЛЕЎСТВА, ДЗЯРЖАВА ЛІВІЯ, АРАБСКАЯ РЭСПУБЛІКА ЕГІПЕТ, ДЗЯРЖАВА ПАЛЕСЦІНА.

3. Змест работы

Аб'ект даследавання – працэс дыпламатычнага ўрэгулявання араба-ізраільскага канфлікту.

Прадмет даследавання – комплекс мер, прадпрынятых у кантэксце дыпламатычнага ўрэгулявання і ўплыў дадзеных фактараў на дынаміку блізкаўсходняга канфлікту і спадарожных крызісных з'яў.

Мэта даследавання – комплекснае вывучэнне дыпламатычных аспектаў араба-ізраільскага канфлікту, якое ўключае фіксаванне пазіцый удзельнікаў канфлікту, іншых зацікаўленых бакоў і непасрэднага іх уплыву на працэс дыпламатычнага ўрэгулявання на розных стадыях перамоўнага працэсу, параўнальны аналіз мадэляў дадзенага працэсу і ацэнка эфектыўнасці прадпрымаемых бакамі крокаў, прагназаванне на аснове вырабленага даследавання перспектывы мірнага ўрэгулявання і магчымых формаў рэагавання зацікаўленых бакоў на той ці іншы варыянт развіцця падзей.

Метады даследавання. Асновай даследавання выступаюць група агульнанавуковых і спецыяльных метадаў. Агульнанавуковыя метады ахопліваюць большую частку лагічных прыёмаў: індукцыю, дэдукцыю, абагульненне, аналіз. Комплекс спецыяльных метадаў змяшчае элементы цывілізацыйнага, рэтраспектывнага, наратывнага, гісторыка-параўнальнага, змястоўна-аналітычнага метадаў.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Дадзеная праца з'яўляецца першай у беларускай гістарыяграфіі спробай прааналізаваць увесь працэс ўрэгулявання блізкаўсходняга канфлікту ад яго ўзнікнення да цяперашняга часу ў кантэксце комплексу прадпрымаемых дыпламатычных мер, разумелых папярэдні этап падрыхтоўкі да перамоваў, сам перамоўны працэс і дыпламатычнае суправаджэнне рэалізацыі дасягнутых дамоўленасцей.

Дакладнасць матэрыялаў і вынікаў дыпломнай працы. Выкарыстаныя матэрыялы і вынікі дыпломнай працы з'яўляюцца дакладнымі. Праца выканана самастойна.

Рэкамендацыі па выкарыстанні вынікаў работы. Асноўныя палажэнні і факталагічны матэрыял, якія змяшчаюцца ў даследаванні, могуць быць выкарыстаны для падрыхтоўкі аналітычных матэрыялаў для дыпламатычных колаў, пры падрыхтоўцы лекцыйных курсаў па праблематыцы блізкаўсходняга мірнага ўрэгулявання, для далейшых навуковых даследаванняў дадзенай праблематыкі ў якасці гістарыяграфічнай базы, а таксама для падрыхтоўкі вучэбных дапаможнікаў дыпламатычнай, паліталагічнай і гістарычнай накіраванасці.

DIPLOMA WORK SUMMARY

Khodasevich Natalia Dmitrievna

Дипломатические аспекты арабо-израильского конфликта
Diplomatic Aspects of the Arab-Israeli Conflict

1. The structure and scope of the thesis

Thesis consists of assignments for thesis, table of contents, abstract of thesis, introduction, four chapters, conclusion, list of sources used. The total workload is 74 pages. The list of used sources occupies 14 pages and includes 148 positions.

2. Keyword: Diplomacy, the Arab-Israeli conflict, the Middle East conflict, the negotiation process of peaceful settlement of the Palestinian problem, State of Israel, Syrian Arab Republic, Hashemite Kingdom of Jordan, State of Libya, Arab Republic of Egypt, the State of Palestine.

3. The content of research

The object of research is the process of diplomatic settlement of the Arab-Israeli conflict.

The subject of research is a set of measures taken in the context of a diplomatic settlement and the influence of these factors on the dynamics of the Middle East conflict and related crisis phenomena.

The purpose of research is a comprehensive study of the diplomatic aspects of the Arab-Israeli conflict, which includes fixing the positions of parties to the conflict, other interested parties and their direct influence on the process of diplomatic settlement at different stages of the negotiation process, a comparative analysis of the models of this process and assessing the effectiveness of the steps taken by the parties, forecasting based on the studies of the prospects for a peaceful settlement and possible forms of reaction of stakeholders to a particular scenario.

Methods of research. The study is based on a group of general scientific and special methods. General scientific methods cover most of the logical techniques: induction, deduction, generalization, analysis. The complex of special methods contains elements of civilizational, retrospective, narrative, historical-comparative, substantive-analytical methods.

The results of the work and their novelty. This work is the first attempt in Belarusian historiography to analyze the entire process of resolving the Middle East conflict from its occurrence to the present in the context of the complex of diplomatic measures being taken, implying a preliminary stage of preparation for negotiations, the negotiation process itself and diplomatic support for the implementation of the agreements reached.

Authenticity of the materials and results of the diploma work. The materials used and the results of the thesis are reliable. The work is done independently.

Recommendations on usage. The main provisions and factual material contained in the study can be used to prepare analytical materials for diplomatic circles, to prepare lecture courses on Middle East peace issues, for further scientific research of this problem as a historiographic base, as well as for the preparation of diplomatic, political science and educational materials historical focus.

ВВЕДЕНИЕ

Арабо-израильский или т.н. ближневосточный конфликт относится к числу наиболее масштабных и продолжительных из всех неурегулированных конфликтов в мире. Исходная точка данной конфронтации возникает в 40-х годах XX века, когда создание в Палестине еврейского и арабского государств становится основой продолжительного политического, экономического и социального дисбаланса на Ближнем Востоке и затрагивает интересы каждого из представителей региона, т.к. арабо-израильский конфликт необходимо рассматривать в контексте нескольких измерений – непосредственной конфронтации Государства Израиль со странами региона из-за возникновения еврейского государства в центре арабского мира и т.н. «палестинской проблемы», которая является стержнем арабо-израильского конфликта.

Принимая во внимание то, что ближневосточный конфликт затрагивает интересы практически всех представителей региона, и что не менее важно, их союзников, обладающих собственными интересами, необходимо подчеркнуть, что в контексте заинтересованности сторон в мирном урегулировании ближневосточный конфликт обретает синонимичность понятию «международная дипломатия». Данный тезис имеет подтверждение в виде непосредственного участия как крупнейших государств, так и международных организаций, в частности ООН, в процессе мирного урегулирования. Кроме того, эвентуальное урегулирование данного конфликта относится к области прямого или косвенного содействия третьих сторон (государств или международных организаций) в международно-правовом оформлении мирного процесса.

Данное обстоятельство потребовало принципиально новых способов ведения диалога в условиях появления новых особенностей регионального конфликтогенеза на Ближнем Востоке, что подразумевает не только возникновение конфронтации как статического явления, но и влияние оной на социальную действительность вовлеченных сторон. Фиксирование новых закономерностей развития арабо-израильского конфликта в целях предупреждения дальнейших кризисов различных уровней и степеней интенсивности предшествует комплексному исследованию динамики конфронтации, что позволяет определить степень эффективности процесса мирного урегулирования.

Объективное понимание сущности ближневосточного процесса мирного урегулирования может привести к возникновению соответствующего *modus operandi* (образа действий) тех сторон, что прямо или косвенно осуществляют руководство т.н. «мировой политикой» и декларируют заинтересованность в посредничестве в разрешении конфликтов, в т.ч. непрекращающейся ближневосточной конфронтации и сопутствующих ей кризисных состояний.

В контексте исследования процесса мирного урегулирования арабо-израильского конфликта необходимо выделить несколько ступеней

международной дипломатии. Практически каждый значимый шаг в процессе дипломатического разрешения ближневосточного конфликта осуществлялся при посредничестве ООН, где правовой основой выступали резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, различные международные конвенции, многосторонние и двусторонние межгосударственные соглашения.

Учитывая хронологические рамки возникновения конфликта, изначально, в период «холодной войны» с 1946 г. до конца 1980-х гг. значимая посредническая роль закреплялась за существующими тогда обладателями статуса «сверхдержав» – СССР и США. Советско-американские переговоры и договоренности зачастую становились основой политико-правовых решений ООН. Более того, ближневосточный конфликт являлся одним из факторов дестабилизации в двухсторонних отношениях США и СССР, превратив конфронтацию в регионе Ближнего Востока в потенциальную возможность реализации национальных интересов.

Важнейшей ступенью дипломатического разрешения арабо-израильской конфронтации является непосредственное участие арабских стран в процессе мирного урегулирования. Однако, следует обозначить причины, в связи с которыми вне рамок международного посредничества мирный процесс на Ближнем Востоке является хронически неразрешимым – в то время, как глобальный арабо-израильский конфликт в основном связан с территориальными притязаниями сторон конфликта, палестинская проблема гораздо шире и включает в себя несколько аспектов: вопрос о статусе Иерусалима, проблема территориального размежевания, вопрос существования израильских поселений, проблема беженцев, проблема соблюдения прав человека, вопрос о принадлежности культовых мест, проблема терроризма. Существуют так же второстепенные вопросы регионального урегулирования, такие как контроль водных ресурсов на Западном берегу реки Иордан. В условиях периодического нежелания той или иной стороны участвовать в прямых переговорах с оппонентом, посредничество третьих стран – обязательный элемент стабилизации процесса мирного урегулирования.

Однако, при рассмотрении ретроспективы, в условиях, когда стороны конфликта проявляли прагматический интерес к прямому переговорному процессу, важной характеристикой оного являлось то, что переговоры шли параллельно в нескольких переговорных группах с различным составом участников (преимущественно с арабской стороны). При этом необходимо учитывать то, что переговоры Израиля с арабской стороной были нацелены на заключение мирных договоров, т.е. целью являлся перманентный статус (на сегодняшний день Государство Израиль заключило два мирных договора с Египтом и Иорданией), в то время как переговорный процесс с палестинской стороной имел в качестве ориентира переходный, т.е. временный, статус оккупированных палестинских территорий.

Важным аспектом исследования дипломатического измерения ближневосточного конфликта в контексте посреднических усилий амбассадоров международной дипломатии является то, что пришедшая на смену Ялтинско-

Потсдамской современной система международных отношений только подчеркнула необходимость международного посредничества в разрешении региональных конфликтов уже в конце XX века, что сыграло решающую роль в процессе становления ближневосточного мирного урегулирования.

В данной связи актуальность исследования обусловлена тем, что разрешение ближневосточной проблемы не является возможным вне рамок мирного урегулирования дипломатическим путем нескольких направлений данного конфликта, начиная от ключевой точки арабо-израильской конфронтации – палестинской проблемы, заканчивая урегулированием иордано-израильских и египетско-израильских отношений. Всестороннее изучение ближневосточного конфликта предоставляет возможность проанализировать процесс достижения противоборствующими сторонами как взаимных компромиссов, так и ошибочных, непродуманных шагов каждого из участников процесса мирного урегулирования. Глубокий анализ позитивного и негативного опыта разрешения ближневосточного конфликта внесет вклад в процесс эволюции международной дипломатии и выработку различных моделей поведения для участников подобного рода переговоров: как непосредственных участников конфронтации, так и для официальных посредников переговорного процесса. Выявление внутренних и внешних факторов, облегчающих или замедляющих процесс ближневосточного урегулирования являются весьма полезным с практической точки зрения при рассмотрении иных конфликтов и составлении прогностических сценариев развития конфликтов, перспектив их разрешения. Кроме того, многие участники политического процесса мирного урегулирования по ряду объективных причин связывают само существование ближневосточной конфронтации с иными дестабилизирующими регион явлениями, такими как терроризм и экстремизм, что требует гораздо более широкого спектра усилий по стабилизации ситуации в регионе и купировании подобных явлений.

Выбор темы данного исследования обусловлен как личной заинтересованностью автора в исследовании обозначенных аспектов, так и недостатком подробных теоретических исследований данной темы в политическом и дипломатическом ключе. Многие аспекты иных подобных работ носят поверхностный, субъективных или чрезмерно политизированный характер. В данном контексте подробное рассмотрение процесса мирного ближневосточного урегулирования и сопутствующих дипломатических аспектов через ретроспективу к перспективе с учетом того, что динамику международной дипломатии определяет витиеватая комбинаторика взаимодействия институтов глобального управления, в т.ч. международных организаций, с ведущими амбассадорами мировой политики, позволяет гораздо лучше понять сущность актуальных конфликтов, причины несовершенства и возможные способы усовершенствования и рационализации дипломатических механизмов урегулирования. Изучение причинно-следственной связи и вариативности способов урегулирования конфликта является важным инструментом для дальнейшего прогнозирования развития ситуации, что в свою

очередь повышает управляемость политического процесса в контексте дипломатического урегулирования. Приведенный комплекс факторов обуславливает научную новизну исследования.

Научно-практическое значение данного исследования заключается в том, что анализ дипломатических аспектов, в частности переговорного процесса, арабо-израильского конфликта позволяет оценить все положительные и отрицательные аспекты того или иного шага в процессе мирного урегулирования. Анализ и результаты данного исследования могут стать теоретическим фундаментом при выработке рекомендаций в процессе стратегической разработки миротворческих операций, а также теоретико-практической основой моделирования двусторонних и многосторонних переговоров по обозначенной тематике.

Содержащиеся в исследовании основные положения и фактологический материал могут быть использованы для подготовки аналитических материалов для дипломатических кругов, при подготовке лекционных курсов по проблематике ближневосточного мирного урегулирования, для дальнейших научных исследований данной проблематики в качестве историографической базы, а также для подготовки учебных пособий дипломатической, политологической и исторической направленности.

Хронологические рамки исследования охватывают весь временной промежуток от истоков арабо-израильского конфликта до наших дней, поскольку без этого не является возможным объективный анализ динамики как самого конфликта, так и процесса дипломатического урегулирования. Более того, вне рассмотрения всех хронологических этапов переговорного процесса невозможна точная оценка эффективности дипломатических и иных мер, которые могут быть приняты в дальнейшем.

В качестве конкретного хронологического ориентира следует рассматривать следующие этапы процесса урегулирования ближневосточного конфликта: нижней хронологической планкой являются первые контакты арабской стороны с представителями сионистского движения в 1918-1948 гг.; переговоры представителей арабской стороны и организации освобождения Палестины (ООП) с руководством Государства Израиль в 1948-1990 гг.; следующий виток переговорного процесса 1991-2001 гг., начавшийся Мадридской мирной конференцией, пролонгированный Кэмп-Дэвидским саммитом и завершенный провалившимися мирными переговорами в Табе; попытки ближневосточного урегулирования в хронологических рамках 2001-2009 гг., ознаменовавшийся публикацией плана «Дорожная карта», плана одностороннего размежевания А. Шарона, формированием современного облика Палестины и появлением соответствующих официальных документов и нормативно-правовых актов; верхним хронологическим рубежом данного исследования является нынешнее состояние процесса мирного урегулирования, начавшееся в 2009 г. с приходом к власти Биньямина Нетаниягу, включая публикацию президентом США в 2020 г. «Сделки века».

Объектом исследования выступает процесс дипломатического урегулирования хронического арабо-израильского конфликта.

Предметом исследования являются стратегические и тактические шаги, предпринятые в контексте дипломатического урегулирования и влияние данного комплекса факторов на динамику ближневосточного конфликта и сопутствующих кризисных явлений.

Цель исследования заключается в комплексном изучении и фиксировании позиций участников конфликта, иных заинтересованных сторон и непосредственного их влияния на процесс мирного урегулирования на разных стадиях переговорного процесса, сравнительный анализ моделей данного процесса и оценка эффективности предпринимаемых сторонами шагов, прогнозирование на основе произведенного исследования перспектив мирного урегулирования и возможных форм реагирования заинтересованных сторон на тот или иной вариант развития событий.

Реализация цели исследования предполагает выполнение следующих задач:

- Проследить за развитием дипломатического измерения ближневосточного конфликта, затем зафиксировать отправные точки, положившие начало непосредственно процессу переговоров на различных этапах конфликта;
- Рассмотреть особенности функционирования механизмов, обеспечивающих дипломатическое урегулирование ближневосточного конфликта;
- Дать оценку содержательной части переговорного процесса и эффективности комплекса дипломатических мер в связи с использованием определенного формата мирного урегулирования;
- Определить роль посредников как фактора успеха переговорного процесса;
- Оценить возможности и перспективы дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта и сформулировать собственные предложения в контексте данной проблематики.

Дипломная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 74 страницы. Список использованных источников занимает 14 страниц и включает 148 наименований.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

1. Историография проблемы

Первую главу дипломной работы автор посвящает историографическому анализу по теме «Дипломатические аспекты арабо-израильского конфликта» с целью подчеркнуть актуальность, научную значимость и новизну данного исследования. Глубокий анализ ближневосточного конфликта и сопутствующего ему процесса мирного урегулирования требует скрупулезного изучения широкого спектра официальной документации, дипломатических, политических и исторических источников, отражающих динамичность и специфику дипломатического урегулирования данного конфликта. Колоссальный эмпирический фундамент обозначенной проблематики предполагает необходимость кропотливого изучения историографических, источниковедческих и теоретических источников.

Принимая во внимание многогранность процесса мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, следует начать с палестинской проблемы как основного звена и катализатора ближневосточного переговорного процесса в региональной и международной дипломатии. Следует учитывать то, что в русскоязычной историографии, включающей в себя как белорусских, так и российских исследователей гораздо больший акцент делается на изучении проблематики ближневосточного конфликта в целом, включая региональную безопасность и отдельные аспекты многосторонних отношений Государства Израиль с представителями арабского мира. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что комплексные исследования ближневосточной проблематики являются неотъемлемой частью дипломатического измерения арабо-израильского конфликта.

Среди белорусских исследователей палестинского направления арабо-израильского конфликта необходимо отметить весомый научный вклад Д.Л. Шевелева, положившего начало белорусской историографии в рамках палестинской проблемы. В своей диссертации под названием «Генезис палестинской проблемы, 1882—1917 гг.» [70] автор доказал, что совокупность таких факторов, как возникновение в конце XIX века еврейского и арабского национальных движений, усиление роли Палестины в качестве стратегического элемента политики великих держав и становление сионизма предопределили возникновение палестинской проблемы. Кроме данного диссертационного исследования, в основу историографического фундамента дипломной работы легли некоторые иные работы автора, в т.ч. «Декларация Бальфура 1917 г. в современном политическом нарративе» [71], «Соглашение Сайкса–Пико в современной ближневосточной политике» [73], «Испытание сионизму: Доклад Д.Бен-Гуриона на Билтморской конференции 1942 г.» [72].

Значимой вехой белорусской историографии палестинской проблемы в контексте ближневосточного конфликта стал ценный научный вклад М.В. Шевелевой, исследовавшей в диссертационной работе процесс палестино-израильского урегулирования в 1991-1993 гг., а именно факторы, предопределившие начало переговорного процесса и причины его непосредственного окончания в обозначенном временном интервале. В качестве значимой детерминанты начала переговорного процесса в приведенных хронологических рамках автор обозначила окончание холодной войны и последующее потепление в отношениях сверхдержав, окончание же автор объяснила комплексом факторов, среди которых присутствует непримиримость позиций сторон по основным проблемным пунктам конфликта и невыполнение Израилем условий т.н. промежуточных соглашений. Отдельное внимание уделено другим работам исследователя, а именно: «Палестино-израильские переговоры о постоянном статусе: проблема Иерусалима» [76], «О палестино-израильских переговорах в Кемп-Дэвиде (11—25 июля 2000 г.)» [78], «К вопросу о представительстве палестинской стороны не официальных двусторонних и многосторонних переговорах (1991-1993 гг.)» [75], в частности статья автора под названием «Источники по проблеме палестино-израильского урегулирования в конце XX - начале XXI в.» [74] во многом предваряет содержание следующий части дипломной работы. К проблематике ближневосточного урегулирования обращались некоторые другие белорусские исследователи, в т.ч. В.С. Кошелев, Г.А. Космач, С.А. Иокша и др.

В российской историографии ближневосточного конфликта необходимо разделять советский и постсоветский этапы исследований. Данная необходимость обусловлена тем, что концепция освещения арабо-израильского конфликта во многом зависела от внутривосточной конъюнктуры и специфики внешней политики СССР и Российской Федерации. В случае СССР развитие историографической школы арабо-израильского конфликта обуславливал целый ряд причин. Отягощающим фактором извне служила напряженность советско-израильских отношений, в то время как преобладающая марксистско-ленинская идеология внутри страны только способствовала догматизации и без того излишне идеологизированного и политизированного подхода к изучению проблемы. Существовал комплекс сложных с точки зрения объективного освещения советскими историографами вопросов, включающих в себя такие аспекты, как роль СССР в основании Государства Израиль, следующая за этим косвенная военная поддержка Израиля в борьбе за независимость, элементы антиизраильской идеологии арабских стран вкупе с деструктивной деятельностью военизированных антиссионистских организаций. Данные аспекты упоминались исследователями зачастую лишь косвенно. Большая часть литературы была посвящена миротворческой деятельности СССР в ближневосточном регионе, национально-освободительному движению палестинского народа, освещению арабо-израильских войн и идеологическим особенностям сионизма.

Российская историографическая веха ознаменовалась переосмыслением многих событий ближневосточного конфликта в связи с развалом СССР и последующей демократизацией российского общества. Это привело к уменьшению искажения и тенденциозности излагаемых фактов и их последующего анализа. Однако, наличие в современных российских научных кругах как произраильского, так и пропалестинского образа мышления вкупе с тем, что Российская Федерация поддерживает благоприятный тон в отношении со всеми сторонами конфликта, вносит долю конъюнктурности в исследования некоторых российских историографов. Тем не менее, большая часть исследователей старается объективно трактовать как ретроспективу, так и актуальное состояние ближневосточного конфликта без явных предпочтений той или иной стороны, что лишь подчеркивает официальный внешнеполитический курс Российской Федерации. Характерной особенностью современной русской историографии является то, что на сегодняшний день чаще освещается ход развития конфликта в рамках последних двух десятилетий, нежели непосредственно его генезис.

В процессе написания дипломной работы были использованы исследования советских и российских историографов, посвященных изучению ближневосточного конфликта. Ценным историографическим и методологическим источником стали работы Е.М. Примакова, доподлинно фиксирующие весь ход и некоторые особенные аспекты арабо-израильского конфликта, в частности, «Анатомия ближневосточного конфликта», «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века)» [24]. Значительный объем фактологического материала содержат работы А.Д. Эпштейна «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке» [81], «Израильтяне и палестинцы: от конфронтации — к переговорам и обратно» [82], «В диалоге с врагом: Переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями» [83], «Почему провалилась „Дорожная карта“? О причинах прошлых дипломатических неудач и возможных новых инициативах в целях снижения остроты палестино-израильского конфликта» [85], «Ближайшие союзники? Эпоха дипломатии: сорок лет „борьбы за мир“» [80], «Три года после Кэмп-Дэвида и Табы и новые поиски путей урегулирования палестино-израильского конфликта» [83] в той или иной форме посвященные историко-политическому анализу ближневосточного конфликта и переговорному процессу израильской стороны с участниками процесса политико-дипломатического урегулирования.

Палестинский вектор и некоторые особенности переговорного процесса исследуется в работах Е.Д. Пырлина «100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы» [26], «Ближневосточный лабиринт» [26], «Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования» [27] и «Где же выход из лабиринта? (О ходе палестино-израильских переговоров об «окончательном» урегулировании)» [28].

Роль ведущих мировых держав в процессе урегулирования ближневосточного конфликта раскрывается в научных трудах О.А. Колобова «Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт» [12] и «Сила, полная решимости...? (о специальных операциях США, их союзников и влиятельных международных организаций в современной мировой политике)» [11] и схожих по тональности работе И.В. Рыжова «Роль ведущих европейских держав в процессе урегулирования ближневосточного конфликта» [67].

Следует отметить роль западных исследователей по обозначенной тематике, а именно Л. Эйзенберг и Н. Каплана [96, 98], продвигающие тезис о том, что прогресс в мирном урегулировании может быть достигнут только в случае использования участниками переговоров новых моделей взаимодействия на дипломатическом уровне. Созданию политических и отчасти психологических условий для проведения арабо-израильского мирного процесса посвящен ряд работ Х. Кельмана [115, 116, 117]. Кроме того, процесс заключения мирных договоров участниками конфликта подвергается анализу в работах таких западных исследователей, как И. Лукаш [120], Г. Френкель [103], Д. Кимч [118].

Отдельным аспектам отношений Государства Израиль со странами региона, в т.ч. в контексте ближневосточного конфликта, посвящены следующие работы западных экспертов по ближневосточной тематике: «Израиль и Иордания. В тени войны» А. Гарфинкля [104], «Роль дипломатии и переговорного процесса при выводе войск из Ливана» Р. Х. Громолла [105], «Истоки Второй арабо-израильской войны. Египет, Израиль и великие державы, 1952-1956» М. Орена [126].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историографический анализ дипломатического измерения арабо-израильского конфликта требует изучения достаточно широкого круга литературы в связи с недостатком в отечественной и зарубежной историографии комплексных исследований, затрагивающих дипломатические аспекты ближневосточного конфликта на всем его протяжении, включая актуальное положение дел.

1.2 Источники и методы исследования

Как уже отмечалось ранее, дипломатические аспекты арабо-израильского конфликта требуют комплексного анализа процесса мирного урегулирования, что подразумевает изучение источниковой базы различного характера. Данная необходимость продиктована наличием широкого спектра официальной документации, нормативно-правовых актов, свидетельств участников переговоров, материалов СМИ, статистических данных, официально публикуемых компетентными ведомствами.

Прежде всего, привлеченные для работы над исследованием официальные документы и нормативно-правовые акты являются фактором, без которого

процесс мирного урегулирования нельзя признать легальным. В данном контексте первую группу источников составляют:

а) арабо-израильские договоры, меморандумы, соглашения, в частности, Кэмп-Дэвидские соглашения [94], Израильско-иорданский мирный договор [109], Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению [6], Каирское соглашение [85], временное палестино-израильское соглашение по Западному берегу Иордана и Сектору Газа [112], меморандум Уай-Ривер [145], Хевронские соглашения [132], Шарм-эш-Шейхский меморандум [146], план «Дорожная карта» [61], план США по ближневосточному урегулированию (т.н. «Сделка века») [130].

б) нормативно-правовая документация ООН и аффилированных с ней организаций, Лиги арабских государств (ЛАГ), отражающих позицию упомянутый организаций и арабского сообщества в контексте ближневосточного урегулирования (БВУ), в т.ч. резолюция Генеральной Ассамблеи № 181/II о создании еврейского государства и будущем правительстве Палестины [29]; № 177 о право палестинского народа на самоопределение [28]; № 194/III о создании Согласительной Комиссии по Палестине [30]; № 997 (ES-I), № 1124 (XI) к вопросу Суэцкого кризиса 1956 г. [31], [32]; № 1125 (XI) о функциях Чрезвычайных вооруженных сил ООН [33]; № 2253 (ES-V) по вопросу Иерусалима [33]; № 3102 (XXVIII) об уважение прав человека в период вооруженных конфликтов [34]; № ES-10/7, № 10/13, № 10/14 о незаконных действиях Израиля на оккупированных территориях [37], [38], [39]; № 35/122 о затрагивающих права человека действиях Израиля в отношении населения оккупированных территорий [40]; № 61/118 о израильских поселениях на оккупированной палестинской территории и оккупированных сирийских Голанских Высотах [41]; № 64/20 по Иерусалимскому вопросу [42]; резолюции Совета Безопасности ООН № 242 о выводе израильских войск после прекращения Шестидневной войны [43]; № 252 по вопросу Иерусалима, недействительности законодательных и административных мер [44]; № 338 о начале переговорного процесса и имплементации резолюции номер 242 [45]; № 446 по вопросу израильских поселений на оккупированных территориях [46]; № 452, № 465 об израильских поселениях и действии четвертой Женевской конвенции [47], [48]; № 471 по факту использования взрывоопасного оружия в отношении палестинской администрации [49]; № 476 об Иерусалиме и предпринимаемых Кнессетом шагах [50]; № 478 о прекращении действия дипломатических миссий в Иерусалиме [51]; № 497 о недействительности юрисдикции Государства Израиль на Голанских Высотах [52]; № 605 о нарушении прав человека во время интифады Аль-Акса [53]; № 641, № 799 о продолжающейся депортации палестинского населения с оккупированных территорий [54]; № 904 о мерах по активизации мирного процесса в рамках Хевронских соглашений [55]; № 1322 о палестинском вопросе, в т.ч. нарушениях Израилем положений четвертой Женевской конвенции по отношению к палестинцам [56]; № 1397 о двугосударственной формуле существования Палестины и Израиля [57]; № 1515 об утверждении «дорожной карты» т.н.

Ближневосточного квартета [58]; № 1701 о прекращении военных действий в Ливане [59]; № 1860 о ситуации в Секторе Газа [60]; № 2234 о деятельности по созданию израильских поселений на территории Западного берега реки Иордан [61]; заявления генеральных секретарей ООН, доклады миссий по поддержанию мира [62]; «Хартумская резолюция» ЛАГ от 1967 г., «Фесская» и «Бейрутская» декларации ЛАГ от 1982 г. и 2002 г. [63], [64];

в) официальные документы кабинета министров и парламента, т.н. Кнессета, Государства Израиль: Декларация независимости Израиля от 14 мая 1948 г. [5], документы Министерства Иностранных Дел Государства Израиль об отдельных этапах переговорного процесса; фрагменты программных документов израильских партий и политических коалиционных объединений.

г) официальные документы Организации Освобождения Палестины (ООП), в т.ч. Палестинская хартия 1968 г. [144], Палестинская декларация о независимости 1988 г. [127], иные официальные документы Национального Совета Палестины.

Следует отметить, что столь подробное рассмотрение официальных документов в ходе исследования обусловлено необходимостью затронуть международно-правовые аспекты урегулирования ближневосточного конфликта, без которых комплексный анализ не представляется возможным. Кроме того, это позволяет оценить посредническую роль и эволюцию позиций международных организаций в процессе мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Следующую группу источников составляют свидетельства официальных лиц, в т.ч. мемуары и работы политических деятелей, задокументированные материалы личных встреч, неофициальные сведения непосредственных участников переговоров, интервью, публичные выступления как непосредственных участников конфликта, так и стран-посредников. В процессе исследования использовались материалы мемуарного характера В. Жаботинского [8, 9], Л. Пинскера [21], Г. Меир [13], Ш. Переса [20], М. Аббаса [1], Я. Арафата [2], А. Шарона [135], Б. Нетаниягу [16], А. Садата [134], Б. Гали [76], А. Бовина [3].

Неподдельный интерес представляют выдержки из неофициальных и нереализованных планов мирного урегулирования ближневосточного конфликта. Это обусловлено тем, что зачастую официальные документы, опубликованные по итогам палестино-израильских переговоров, не отражают позиций сторон и не позволяют воссоздать ход переговорного процесса [74]. Среди подобных публикаций необходимо отметить тексты памятных записок, содержащие элементы позиций сторон; черновые варианты «Декларации принципов», протоколов и приложений к ней [6], «рамочного соглашения о постоянном статусе Западного Берега реки Иордан и Сектора Газа» [85], «Хартии принципов добрососедских отношений» от 1 декабря 1995 г. [112]; «Документ Бейлина — Эйтана» 1997 г. [91]; «Женевская инициатива» 2003 г. [90, с. 326–361], «план Клинтона» 2000 г. [4]; «Документ Бейлина–Абу Мазена» от 31 октября 2001 г. [90, с. 25]. В связи с тем, что некоторых из перечисленных

документов официально не опубликованы, формулировки в отношении конкретных аспектов переговорного процесса в различных источниках могут быть не идентичны. Однако, даже подобные неофициальные выдержки позволяют проанализировать вариативность позиций сторон, в том числе в ходе неофициальных встреч и секретных переговоров. Палестинскими и израильскими участниками переговоров были опубликованы документы из пяти «неофициальных каналов»: «норвежского» (1992–1993 гг.), «стокгольмского» (1994–1995 гг.), семинаров, организованных Американской академией искусств и науки в 1992–1994 гг., переговоров о постоянном статусе Западного берега реки Иордан и сектора Газа, состоявшихся в августе 2000 г., а также переговоров между официальными представителями Палестинской национальной автономии (ПНА) и жителями израильских поселений Западного берега реки Иордан и сектора Газа 1994–1995 гг. [74].

В ходе исследования использовался комплекс аналитических данных, связанных с ходом переговорного процесса, в т.ч. в отношении демографической, миграционной, поселенческой и военной политики. Основным источником являются данные, публикуемые Центральным статистическим бюро Государства Израиль и Институтом палестинских исследований. Анализируя информационные базы обеих конфликтующих сторон, необходимо принимать во внимание различный подход к оценке действий противоположной стороны и следующих из данного факта различий в количественной оценке тех или иных аспектов конфликта, что существенно влияет на риторику сторон в процессе мирного урегулирования. Кроме того, аналитические и статистические данные предоставляются рядом неправительственных организаций, институтов и научных сообществ. Среди израильских необходимо выделить «Бэ-Цэлем» [141], «Шалом-Ахшав» [128], «Гуш-Шалом» [18], «Аналитическая группа МАОФ» [17], «Центр междисциплинарных исследований в Герцлии» [19], «Центр ближневосточных и африканских исследований имени Моше Даяна» [143] и др. В числе палестинских следует отметить «Институт прикладных исследований в Иерусалиме» [87], «Палестинское научное общество по исследованиям в области международных отношений» [81] и других. За рубежом исследования проблематики урегулирования ближневосточного конфликта являются компетенцией таких аналитических центров, как «Институт Брукинса» [124], «Международная кризисная группа» [125] и др.

Принимая во внимание тот факт, что дипломная работа ориентирована в том числе на рассмотрение актуального состояния процесса дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта, следует отметить роль СМИ как источника фактологических и аналитических данных, наиболее интересными из которых с точки зрения качества публикуемого материала являются русскоязычные «ТАСС» [66], «РИА-Новости» [68] и зарубежные «Al-Jazeera» [129], «Foreign Affairs» [86], «Middle East Studies» [121]. Касаясь израильских и палестинских национальных СМИ необходимо подчеркнуть, что зачастую они выполняют пропагандистские функции, манипулируя информационными

потоками и трактуя происходящие события согласно официальной линии правительств, что влияет на объективность подачи информации.

При исследовании обозначенной проблематики использовался синтез разнообразных подходов, используемых различными исследователями. Основой исследования выступают группа общенаучных и специальных методов. Общенаучные методы охватывают большую часть логических приемов: индукцию, дедукцию, обобщение, анализ. Комплекс специальных методов содержит элементы цивилизационного, ретроспективного, нарративного, историко-сравнительного, содержательно-аналитического методов, каждый из которых применяется в различной степени.

Обозначенная проблематика дипломной работы подразумевает использование цивилизационного подхода и контекстуального анализа в силу того, что дипломатическое измерение ближневосточного конфликта является результатом как внутренней, так и внешней политики затрагиваемых государств. Цивилизационный подход подразумевает анализ совокупности дипломатических аспектов арабо-израильского конфликта как детерминанты не только региональной, но и международной дипломатии. Благодаря использованию данного метода, удалось установить степень взаимозависимости внутренних и внешних факторов в контексте единого явления, в данном случае ближневосточного конфликта.

Важной составляющей дипломной работы являются описательный и нарративный методы исследования. Использование описательного метода обусловлено необходимостью рассмотрения комплекса фактологических данных, без которых не представляется возможным использование контекстуального и критического анализа. Нарративный метод играет важную роль при изложении упомянутой фактологической и исторической составляющей ближневосточного конфликта на всем его протяжении.

Применение контекстуального и сравнительного анализа позволило, в первую очередь, проанализировать ход, динамику и специфику процесса мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, в частности, процесс эволюции позиций и приоритетов конфликтующих сторон, тенденции в развитии внешней и внутренней политики государств в ходе конфликта, а также тактические и стратегические особенности концептуальных подходов сторон к процессу разрешения конфликта.

Немаловажной роль в исследовании занимает метод когнитивного картирования, позволяющий проанализировать восприятие участниками конфликта определенной политической проблемы и выявить когнитивных особенностей принятия решений отдельными политическими фигурами. Данный комплекс методов особенно важен при анализе непосредственно дипломатических аспектов и переговорного процесса ближневосточного урегулирования ввиду того, что на протяжении конфликта зачастую диалог находился под угрозой срыва.

Необходимость использования контент-анализа продиктована значимостью международно-правового и политического признания результатов

процесса мирного урегулирования, что в свою очередь обуславливает подробный анализ международно-правой документации и элементов национального законодательства.

Значимой частью исследования является прогностическая составляющая процесса мирного урегулирования, которая не представляется возможным без использования метода политического прогнозирования и исторического моделирования.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что упомянутые методы использовались в процессе исследования в зависимости от конкретной потребности, зачастую в совокупности друг с другом. Это позволяет сделать вывод о том, что фундаментом данного исследования является комплексный подход. Процесс дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта требует объективного рассмотрения различных граней конфликта, включающих специфику дипломатии не только непосредственных участников конфликта, но и сторон-посредников.

ГЛАВА 2

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

2.1 Историческая ретроспектива: от установления контактов к военному противостоянию и началу переговорного процесса

Генезис арабо-израильского конфликта берет свое начало в период между установлением британского мандата в Палестине в 1917 г. и провозглашением независимого Государства Израиль в 1948 г.

Изначально британский период правления Палестиной характеризовался ростом еврейской миграции, увеличением количества еврейских поселений на территории Палестины и последующими восстаниями арабского населения на этой территории. Ответной мерой со стороны Великобритании стало создание полицейских комиссий для расследования возникающих инцидентов с последующим документированием в виде отчетов, получивших название «Белые книги». Восстание, начавшееся в 1936 г. со всеобщей забастовки арабского населения, стало протестом против британского протектората над Палестиной и увеличения роста еврейских иммигрантов. После увенчавшейся успехом попытки подавить арабское сопротивление в 1939 г., следующий год охарактеризовался ростом еврейского населения, выступающего против британского правительства в Палестине.

Первые, пусть и не полноценные попытки совместных действий со стороны арабских и сионистских лидеров, предпринимались как раз в период британского господства над Палестиной. Несмотря на явное несовпадение видения сторонами будущего устройства Палестины, лидеры сионистского движения встречались с ведущими представителями арабского мира, которые, несмотря на идеологические разногласия с собеседниками, не отказывали в аудиенциях и проявляли некоторое гостеприимство. Великобритания так же сыграла роль в установлении первых контактов между сторонами. Это обусловлено тем, что первая встреча в 1919 г. между президентом сионистской организации, будущим первым президентом Государства Израиль Хаймом Вейцманом и сыном поддерживаемого Великобританией шарифа Мекки и будущем королем Ирака эмиром Фейсалом ибн Хусейном отчасти была инициирована правительством Великобритании, желавшей как-то примирить идеологически полярные стороны, что в перспективе позволило бы обрести прямой или косвенный контроль над регионом [8, с. 51–61]. Данная встреча должна была завершиться подписанием «договора Вейцмана-Фейсала», по условиям которого Хайм Вейцман признавал Фейсала ибн Хусейна главой Арабского королевства за пределами Палестины, в то время, как Фейсал должен был признать еврейские претензии на Палестину, контуры которых были намечены в Декларации Бальфура, заключающейся в поддержке Великобританией идеи создания Еврейского национального очага в Палестине [84]. Параллельно содержание декларации подчеркивает, что «не будет делаться

ничего, что ущемляло бы гражданские и религиозные права нееврейских общин в Палестине» [84], что трактуется как обещание протекционизма не только для еврейского, но и для арабского населения. «Соглашение Вейцмана-Фейсала» так и осталось на бумаге, поскольку обе стороны ожидали друг от друга уступок, не желая инициировать сделку, подразумевающую большее количество преференций для оппонента.

Следующим опытом взаимодействия между сторонами стала серия тайных встреч и переговоров, начавшихся в 1920-х гг., между лидерами сионистов и королем Трансиордании Абдаллахом ибн Хусейном. Параллельно британское правительство после Каирской конференции в 1921 г. разделило палестинские территории на две части, по отношению к местоположению от реки Иордан: западная Палестина, и восточный эмират Трансиордания. Передача управления хашимитским королевством сыну шарифа Хусейна Абдаллаху ибн Хусейну стала символическим долгом Великобритании Фейсалу ибн Хусейну, который в период первой мировой войны действовал в интересах британского правительства. Однако, амбициозность Абдаллаха не позволила ему довольствоваться отсутствием в составе т.н. «Великой Сирии» части земель к западу от реки Иордан, а именно Палестины. В стремлении расширить собственное королевство до средиземноморского побережья, эмир готов был предоставить еврейскому населению автономию внутри западной Палестины [81, с. 91]. Данный сценарий не привлекал ни сионистов, ни арабское население Палестины, которое не было заинтересовано в реализации каких бы то ни было формул раздела. Однако, как эмир, так и сионистские лидеры руководствовались собственными интересами, стимулировавшими сотрудничество. Эмир руководствовался представлениями о невиданных богатствах и безграничном влиянии еврейского населения, а для сионистов король Трансиордании был ключом к созданию еврейского очага в Палестине. Данное сотрудничество обрело более осязаемые контуры в 1930-е гг., когда сионисты сумели получить в аренду некоторые земли эмира [94], а сам эмир, будучи влиятельной фигурой, заинтересовал некоторые политические объединения, декларирующие свои притязания в отношении раздела Палестины [94].

Окончание Второй мировой войны послужило причиной ещё большей заинтересованности эмира Трансиордании и лидеров сионистов в определении будущего Палестины. Кроме того, после провозглашения Государства Израиль лидеры сионистского движения предпринимали попытки установления контактов с политическим истеблишментом Египта, Сирии, Ирака и Ливана [72]. Подобные попытки сионистов установить контакты вне Палестины зачастую приводили к созданию недолговечных союзов. В целом, готовность сионистов к потенциальному взаимодействию с различными общинами на Ближнем Востоке, в частности с друзьями, курдами и маронитами демонстрирует приверженность к достижению глобальной цели посредством взаимодействия с потенциальным врагом. Одним из показательных примеров в данном случае стал союз, созданный с целью противостояния арабскому национализму в период между мировыми войнами, участниками которого стали Еврейские Агентство

Палестины и представители ливанских маронитов. В качестве бартера в обмен на политическую, дипломатическую и материальную помощь со стороны маронитов, сионисты рассчитывали на поддержку последними собственных устремлений в создании еврейского очага в Палестине, что соответствует классической модели сотрудничества между арабами и евреями в рамках «обмена услугами» [75]. Однако, данное сотрудничество не возымело эффекта из-за категорического нежелания палестинских лидеров идти на компромисс в контексте сохранения арабского характера Палестины [20, с. 19–21]. В том числе соглашение, подписанное Еврейским агентством с политически активной частью маронитского истеблишмента в 1946 г. было дезавуировано ливанской стороной во многом из-за давления со стороны палестинских и сирийских союзников [12, с. 163–169].

В 1930-х гг. возможность достичь соглашения между сионистами и палестинцами являлась потенциальной компетенцией непосредственно лидеров сионистского движения, наиболее значимым из которых стал будущий премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион. Редкие попытки установления контактов имели целью разработку комплекса условий, при которых, с одной стороны, арабское население готово было отказаться от части палестинских земель в угоду созданию еврейского очага, а с другой стороны, сионистские лидеры смогли бы предоставить достаточные преференции арабам для реализации этой возможности. В то же время проходили встречи на неофициальном уровне между представителями арабского руководства Палестины и еврейских общин в Палестине, т.н. иешив. Следует отметить, что никто из участников переговорного процесса не ставил целью достижение компромисса в отношении будущего Палестины. Детерминантами переговорного процесса являлись такие аспекты, как еврейская иммиграция, самоуправление общин, последствия забастовок. Политический статус Палестины как лейтмотив переговорного процесса установился лишь в конце 1930-х гг. Исходя из этого, контакты инициировались только в случае необходимости урегулирования конкретной проблемы или предупреждения проведения нежелательной политики со стороны Великобритании. Так, например, в лидеры сионистского движения дважды, в 1928-1929 гг. и 1933-1936 гг, предпринимали попытки помешать деятельности Законодательного Совета по установлению арабского представительства в самоуправлении. В свою очередь, арабский истеблишмент в 1937-1938 гг. опасался возможности осуществления нежелательных рекомендаций «комиссии Пила», касающихся раздела палестинских территорий [79, с. 76–77]. Стоит отметить, что успешные попытки достижения соглашений между сторонами присутствовали, но они касались сиюминутных изысканий сторон и затрагивали узкий спектр вопросов, например, муниципальные выборы.

Посреднические усилия Великобритании, как и ранее, на данном этапе не увенчались успехом, несмотря на активные попытки усадить за стол переговоров конфликтующие стороны с целью достижения взаимоприемлемого компромисса. Что весьма характерно, осознавая собственный политический вес, британское правительство предприняло попытку урегулировать проблему в

одностороннем порядке в преддверии приближающейся войны. Результатом данных усилий явился отчет министра колоний М. Макдональда британскому парламенту, более известный как «Белая книга» 1939 г., опубликованный после неудавшихся переговоров в рамках Сент-Джеймской конференции. Основными тезисами данного документа стали: ограничение еврейской иммиграции, лимитированная возможность продажи земли в зависимости от месторасположения, начало десятилетнего переходного периода, за который предполагалось достижение компромисса между общинами и результатом которого должно было стать предоставление самоуправления Палестине [67]. Реакцией на публикацию данного документа стала критика его положений как еврейским, так и арабским населением. Недовольство евреев заключалось в строгости количественных ограничений в отношении иммиграции и владения землей. Арабское население, наоборот, считало, что данные меры никак не пресекут поток еврейского населения в Палестину и исходя из этого требовалось их ужесточить.

В 1947 г. Великобритания предприняла весьма изысканную попытку перенести ответственность за данную проблему в компетентное поле ООН, после чего борьба за палестинские территории разделилась на два вектора: вооруженная борьба арабского и еврейского населения в Палестине и более искусная борьба за предпочтения мирового сообщества и ООН. В данном контексте предпринималось несколько попыток заключения соглашений на высоком уровне, однако никаких результатов они не принесли.

Таким образом, к моменту провозглашения Государства Израиль, ближневосточный кризис характеризовался непримиримостью позиций сторон. С одной стороны, арабское население считало Палестину своей родиной и оттого не желало роста еврейской иммиграции, с другой стороны, евреи желали обрести на территории Палестины собственный национальный очаг. Если изначально лидеры сионистского движения и арабский истеблишмент Палестины проявляли заинтересованность хотя бы к сиюминутным альянсам, то с уходом Великобритании положение стало приобретать еще более непоправимый характер.

2.2 Обострение конфронтации и кризис процесса дипломатического урегулирования

Согласно плану ООН по разделу Палестины, принятому 29 ноября 1947 г. резолюцией № 181 ГА ООН [25], срок британского мандата истек к 1 августа 1948 г., в дальнейшем было рекомендовано создание на палестинских территориях независимых еврейского и арабского государств. Однако, уже в 1948 г. реализация положений данного оказалась под угрозой из-за начавшейся арабо-израильской войны.

Накануне войны была предпринята попытка дипломатическим путем закрепить нейтралитет Трансиордании в данной войне путем заключения соглашения с Израилем, в качестве одного из условий которого значился переход

части палестинской территории во владения эмира. Однако, несмотря на интенсивность переговорного процесса, возглавляемого премьер-министром Г. Меир, Иордания присоединилась к антиизраильской коалиции.

Война, в которой участвовала широкоформатная коалиция арабских стран, завершилась первыми значимыми успехами и подписанием серии соглашений между Государством Израиль и принимавшими участие в войне пятью арабскими государствами при посредничестве представителя ООН Р. Бунча.

Первый шаг в контексте дипломатического урегулирования совершил Египет, севший за стол переговоров с Израилем. Заключенное соглашение стало иллюстративным образчиком для ряда последующих договоров с Иорданией, Сирией и Ливаном. Формат египетско-израильских переговоров в дальнейшем использовался в качестве прообраза переговорного процесса не только для Израиля, но и для ряда стран-посредников. В качестве примера можно привести встречу израильского премьер-министра И. Рабина и президента США Д. Картера 7 марта 1977 года [124].

Следующей ступенью дипломатического урегулирования стал переговорный процесс с Иорданией. Первым результатом данной ветви урегулирования арабо-израильского конфликта явилось заключение послевоенного соглашения, предусматривающего создание комиссий по разоружению и специального комитета, итогом создания которого стало увеличение количества официальных контактов между Иорданией и Израилем. Дальнейшие шаги в рамках дипломатического урегулирования по линии иордано-израильских отношений лишь увеличивали интенсивность переговорного процесса. Следующими успехами в данном направлении стал мирный договор, в состав которого входил Пакт о ненападении от 28.02.1950 г. Кроме того, переговорный процесс включал в себя такие аспекты, как роль западных сил в регионе, различия между мнениями иорданского общества и истеблишмента и др. Однако, убийство палестинским террористом эмира Абдаллаха и попытка убийства его сына Хусейна [99, с. 73], прервало данную страницу истории дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта.

Египетский вектор дипломатического урегулирования начался с контактов по засекреченным каналам министра иностранных дел Израиля М. Шаретта и премьер-министра Египта Г.А. Насера [94, с. 55]. Кроме того, в преддверии Суэцкого кризиса со стороны США и Великобритании был проведен ряд дипломатических маневров под названием «операция Альфа» с целью убедить Г.А. Насера прибегнуть к прямым переговорам, однако данные меры оказались безрезультативны [119, с. 202–203].

Касательно роли международных организаций, то уже на данном этапе Согласительная комиссия ООН для Палестины предприняла попытки имплементировать опыт египетско-израильских переговоров в дальнейший процесс дипломатического урегулирования, включив в повестку дня Лозаннской 1949 г., Женевской 1950 г., и Парижской 1951 г. мирных конференций такие аспекты, как проблема беженцев и территориальные претензии сторон. Однако,

эффективность данных мер предопределило нежелание Израиля удовлетворять требования арабских государств в вопросе дальнейшей судьбы беженцев, а палестинская позиция неизменно исходила из отказа признавать существование еврейского государства.

После начала Суэцкого кризиса в 1956 г. и вторжения в октябре того же года Израиля в Синай, вопрос о правомерности действий Израиля стал одним из основных аспектов повестки Совета Безопасности ООН. В тот же день Великобритания и Франция направили ультиматум конфликтующим сторонам об отводе войск от Суэцкого канала, что завершилось серией авиационных бомбардировок части канала со стороны союзной англо-французской авиации [75, с. 115-117]. Ответом стали дипломатические акции ООН, направленные на поддержку Египта и критика США со стороны арабского мира, что в последующем послужило причиной для осуждения американскими дипломатами бывших союзников с трибун ООН. Реакция СССР на продолжающийся кризис выразилась в отправке Председателю Совета Безопасности ООН телеграммы, в которой содержались требования проведения заседания ООН по вопросу невыполнения решения чрезвычайной сессии ГА ООН о немедленном прекращении агрессии по отношению к Египту со стороны Израиля, Великобритании и Франции [22, с. 121-123]. Кроме того, телеграмма содержала проект резолюции, использование положений которой предусматривалось в случае продолжения агрессии и заключавшееся в оказании Египту военной помощи со стороны СССР, США и стран-членов ООН [22, с. 125].

В контексте Суэцкого кризиса необходимо подчеркнуть посредническую роль международной коалиции в его разрешении. 6 ноября 1956 г. премьер-министр Великобритании А. Иден направил послание председателю Совета Министров СССР, в котором оговаривалось распоряжение правительства Великобритании английским вооруженным силам о прекращении огня в Египте [136]. Со своей стороны, Франция так же выражала согласие на прекращение огня в Египте посредством отправленного СССР послания, в котором подчеркивалась «готовность принятия решительных мер, но после аналогичных шагов конфликтующих сторон» [95, с. 232-233]. Результатом данных дипломатических усилий стало послание премьер-министра Д. Бен-Гуриона, содержавшее заявление о прекращении израильскими вооруженными силами военных действий в Египте.

Суэцкий кризис завершился выводом вооруженных сил Израиля, Великобритании и Франции с египетской территории. В то же время продолжением комплекса дипломатических усилий ООН стало создание специализированных примирительных комиссий, чьей компетенцией являлись вопросы пограничного контроля.

Подводя итог десятилетия, конец 1950-х гг. ознаменовался укреплением боевой готовности арабской коалиции на случай агрессии Израиля, из чего следует, что дипломатическое урегулирование как способ взаимодействия в

конфликтный период сторонами отвергалось, что предоставляло Израилю некоторое стратегическое преимущество.

Основной причиной кризиса дипломатического урегулирования на данном этапе стала начавшаяся 5 июня 1967 г. Шестидневная война и последовавшая за этим в октябре того же года война на истощение, продолжавшаяся более двух лет. После начала военных действий, Израиль предложил Иордании сделку, подразумевающую неучастие иорданских вооруженных сил в начавшейся войне с последующими аналогичными действиями со стороны Израиля, однако давление арабского мира явилось детерминантой состоявшегося вмешательства Иордании.

Уже на следующий день после начала военных действий, Совет Безопасности ООН призвал Израиль остановить военные действия, однако, эффекта данный призыв не возымел. СССР вновь инициировал заседание Совета Безопасности, участники которого повторно призвали к прекращению огня, после чего Египет, Иордания и Сирия выразили готовность предпринять шаги в этом направлении, однако Израиль уже на тот момент вел военные действия на всем протяжении линии фронта с сирийскими войсками [98, с. 217-224]. Третья попытка воздействия на конфликтующие стороны посредством обращений с трибун ООН так же не увенчалась успехом. В силу того, что Израиль в случае продолжения войны не мог рассчитывать на увеличение оккупационной зоны и использование данного преимущества как разменной карты в ходе переговорного процесса, уже 10 июня израильские вооруженные силы прекратили военные действия, чему так же способствовала критика со стороны мирового сообщества. Итогом войны стала беспрецедентная победа Израиля над оппонентами в лице Египта, Иордании и Сирии. Перешедшие под израильский контроль иорданские, египетские и сирийские части Палестины, более известные сейчас как Западный берег реки Иордан, сектор Газа, восточный Иерусалим, и Голанские высоты, предоставляли Израилю уникальную возможность проведения сделок на собственных условиях, что в дальнейшем легло в основу известного принципа арабо-израильского мирного урегулирования «мир в обмен на землю». Данные факторы обуславливают возникновение новых политико-правовых реалий на Ближнем Востоке и оформления т.н. «проблем окончательного статуса будущего палестинского государства», а именно уже упомянутых вопросов о статусе Иерусалима, проблеме территориального размежевания, вопросе существования израильских поселений, проблеме беженцев, вопросе о водоразделе.

Сразу после окончания Шестидневной войны по инициативе СССР была созвана чрезвычайная сессия ГА ООН с целью преодоления последствий завершившихся боевых действий. Советская делегация исходила из необходимости «ликвидации последствий конфликта и безотлагательного вывода израильских вооруженных сил за линии перемирия» [112, с. 74], что подтверждается содержанием речи главы советской делегации А.Н. Косыгина, заявившего, что «Если бы правительство Израиля не чувствовало за собой вины перед народами мира, оно не боялось бы так нашего обсуждения и тех

возможных решений, которые должна будет принять Генеральная Ассамблея» [112, с. 75].

В преддверии принятия ГА ООН резолюции № 242, одной из наиболее важных вех в истории дипломатического урегулирования конфликта, ясность в позицию Израиля в отношении данной резолюции внес известный израильский дипломат, находившийся тогда на посту министра иностранных дел А. Эвен. Тезисно данную позицию можно изложить следующим образом:

1. Вопрос об уходе Израиля с оккупированных территорий не носит принципиальный характер. Безопасные и признанные границы – основа достижения справедливого мира.

2. Невозможность территориального расширения в результате военных действий не применима к региональным реалиям. По мнению А. Эвена, данная невозможность имеет оправдание только в условиях ведения агрессивных войн, в число которых Шестидневная война, разумеется, не входит.

3. Вывод израильских вооруженных сил должен предусматривать некие «территориальные изменения» статуса-кво. Исходя из этого, данное положение не может быть реализовано на «задействованных территориях» (таким образом израильское внешнеполитическое ведомство характеризовало захваченные в ходе Шестидневной войны территории [24, с. 314]).

Видение будущей резолюции иными государствами основано на недопустимости использования военной силы для приобретения территорий, что в значительной степени отличается от позиции, тезисно обозначенной министром иностранных дел Израиля.

В частности, автор данной резолюции и представитель Британии в ООН лорд Карадон связал официальную позицию британского МИД о «не принятии военных действий в качестве метода урегулирования международных споров и недопустимости расширения границ границы путем войны» [40] с содержанием самой резолюции.

Представитель Франции в ООН, в свою очередь, подчеркивал «необходимость прекращения оккупационного режима на захваченных территориях» [90] наравне с тем фактом, что версия резолюции на французском не оставляет возможности для множественных интерпретаций, и французская формулировка подразумевает вывод израильских вооруженных сил со всех территорий посредством использования неопределенного артикля, а именно «des territoires occupés».

Израильская интерпретация основывается на отсутствии в английском тексте определенного артикля перед словом территории, что служило с точки зрения Израиля обоснованием неправомерности требования покинуть оккупированные территории. Кроме того, израильская сторона делала акцент на возможности различного толкования иных частей резолюции, в частности, об «установлении безопасных и признанных границ» и отсутствии единой четкой трактовки о том, где данные границы находятся. Подобные избирательные трактовки не раз становились предметом дискуссий в ходе анализа предпринятых сторонами дипломатических шагов. Для придания политического

веса подобным суждениям, официальные лица ссылаются на поддержку США, однако, в качестве одного из показательных эпизодов следует привести цитату госсекретаря США Д. Раска из беседы с уже упомянутым А. Эвеном: «Наша позиция в отношении установления безопасных и постоянных границ не означает полного согласия с осуществленными территориальными изменениями» [77].

В качестве специфического элемента дипломатического инструментария Государства Израиль необходимо отметить ярко выраженную последовательность и приверженность к декларируемым в прошлом принципам. На протяжении семи десятилетий позиция официального израильского правительства практически не подверглась каким-либо изменениям, официальная позиция МИД Израиля по состоянию на 2020 год ссылается на позицию составителей резолюции, заключавшуюся в осознании невозможности защищать границы образца 1967 г. и неправильное употребление определения «оккупации», т.к. с точки зрения внешнеполитического ведомства «в соответствии с международным законодательством оккупационный режим устанавливается на территориях, которые были захвачены у признанного суверенного государства» [54], коими оккупированные территории согласно официальной позиции МИД не являются. Данный тезис давно облачен в концепцию «отсутствующего суверенитета», разработанного экс-председателем Верховного суда Государства Израиль М. Шамгаром. Интересным фактом в данном контексте является то, что ни одна из израильских партий или коалиционных партийных блоков, даже из т.н. «левого блока», не признают Палестину в границах до 1967 г.

Столь подробное упоминание резолюции № 242 обусловлено тем, что данная резолюция является фундаментом дальнейших попыток урегулирования ближневосточного конфликта политико-дипломатическими средствами. Кроме того, согласно нормам международного права единственный возможный способ определения статуса спорных территорий – переговоры, чему противоречит курс официального Тель-Авива на дальнейшее закрепление за Израилем оккупированных территорий Палестины, взятый после Шестидневной войны.

Еще одним показателем нежелания арабской стороны в послевоенный период предпринимать дипломатические шаги в рамках урегулирования конфликта, является «Хартумская резолюция» от 30 сентября 1967 г., суть которой заключалась в отказе арабских государств, во-первых, сотрудничать с Израилем, во-вторых, приступать к прямым переговорам с Израилем, в-третьих, рассматривать мирное урегулирование в качестве основного способа разрешения конфликта.

Касаемо непосредственной реализации положений резолюции № 242, некоторыми из стран-посредников были предложены собственные алгоритмы урегулирования в контексте данного документа. В частности, схема реализации плана мирного урегулирования СССР выглядела следующим образом: первым шагом должны были стать заявления конфликтующих сторон о готовности прекращения войны и ведения переговоров после вывода израильских войск с

оккупированных территорий под непосредственным контролем ООН, следующим шагом предполагалось оформление сторонами соответствующей международно-правовой базы в виде соглашений о признании суверенитета, независимости и территориальной целостности всех представителей региона в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН.

Великобритания, Франция и США провели собственные консультации по линии внешнеполитических ведомств в отношении функциональных способов реализации положений резолюции. Опубликованное по итогам встреч коммюнике содержало согласие каждого из участников консультативного процесса в контексте необходимости установления мира на Ближнем Востоке и признания непоколебимых прав каждого из государств региона на независимость и суверенитет.

Оккупационные стремления Израиля ускорили процесс укрепления национальной самоидентификации палестинского народа, что привело к созданию в 1964 г. Организации Освобождения Палестины (ООП) [12, с. 77]. Через десятилетие данная организация будет признана единственным законным представителем палестинского народа, что не могло не повлиять на дипломатическое измерение конфликта ввиду того централизованное представительство облегчает процесс взаимодействия между государствами, в том числе на дипломатическом уровне. Со второй половины 1960-х к международному сотрудничеству с ООП присоединилась ООН.

Со временем палестинский вопрос стал ключевым элементом арабо-израильского конфликта, в т.ч. в связи с тем, что обретал характер национально-освободительного движения. Палестинские вооруженные формирования базировались в Иордании в многочисленных лагерях беженцев. Осознав исходящую от них опасность и признав отсутствие потенциальных возможностей сотрудничества, Хуссейн начал процесс установления полного контроля над страной, завершив его в июле 1971 г [27, с. 39–41].

Следующим препятствием на пути к дипломатическому урегулированию конфликта стала война Судного дня, начавшаяся в 1973 г. Решение о новом витке боевых действий против Израиля было принято в отсутствие каких-либо положительных изменений в вопросе вывода израильских войск [120]. В октябре того же года, Израиль обратился за помощью к США. В свою очередь, СССР предложил египетскому и сирийскому президентам добиваться прекращения военных действий. Предположительно, руководство Израиля могло бы воспользоваться потенциальной возможностью договориться о мире, если бы по ходу войны было достигнуто значимое преимущество, но в обратной ситуации было принято решение о продолжении военных действий, что нашло поддержку со стороны США, союзному альянсу Сирии и Египта в качестве ответной меры на вмешательство в войну оказала помощь другая сверхдержава – СССР. Данная война закончилась в сентябре 1973 г., а уже в декабре началась Женевская конференция, которая ознаменовалась присутствием в одном помещении делегаций Израиля, Иордании и Египта. Задачей данной конференции стало

инициирование переговорного процесса, призыв в котором содержался в резолюции СБ ООН № 338. Однако, данная попытка не увенчалась успехом.

Дипломатическим прорывом в урегулировании арабо-израильского конфликта на рубеже 1980-х гг. стал подписанный А. Садатом и М. Бегинем египетско-израильский мирный договор, составленный на основе Кэмп-Дэвидских соглашений. Параллельным вектором стало подписание мирного соглашения между Сирией и Израилем. Таким образом, образовались контуры предстоящего процесса дипломатического урегулирования, сменившего непрерывную военную конфронтацию.

2.3 Переговорный процесс в XX веке: факторы успеха и дестабилизации

Рассмотрение предпринятых сторонами комплекса мер дипломатического урегулирования, предпринятого в период 1918-1977 гг., позволяет сделать вывод о том, что за исключением частных неизбежных попыток начать переговорный процесс, в целом спектр дипломатических усилий сторон в приведенных хронологических рамках не имел положительного результата. Основанием данного тезиса является несколько факторов.

Прежде всего, как израильская, так и арабская сторона руководствовались собственными интересами, в основе которых находились по своей сути бескомпромиссные национальные лейтмотивы. Обе стороны осознавали, что даже отдельные концепции национального устройства не могут быть реализованы в силу непримиримости позиций участников процесса мирного урегулирования. В свою очередь, это объясняется тем, что сионистское движение, а затем и Израиль, отвергали законность национальных притязаний арабов в Палестине, а арабская сторона не соглашалась с излагаемой еврейским народом доктриной о правомерности существования еврейского государства.

Бескомпромиссность позиций сторон усугублялась отсутствием прямых контактов между сторонами, что увеличивало степень взаимной неприязни. Более того, участие в дипломатическом урегулировании третьей стороны, обладающей собственными интересами, реализуемыми зачастую никак не в угоду процессу мирного урегулирования, только снижало шансы конфликтующих сторон в процессе поиска примирительного компромисса.

Однако, вместе с тем уже упоминалось, что несмотря на наличие огромного количества нюансов, предопределяющих безуспешность любых предпринимаемых дипломатических мер, переговорный процесс между сторонами имел место быть. В данном контексте необходимо рассмотреть подробнее аспекты целеполагания сторон совместно со спецификой трактовки некоторых терминов. Прежде всего, зачастую само понятие «переговоры» трактуется как процесс, в котором все стороны отдают себе отчет о необходимости некоторых уступок с целью достижения взаимоприемлемого компромисса, иначе говоря, в большей или меньшей степени используют элементы партнерского похода к переговорам [107, с. 160]. Главным

краеугольным камнем арабо-израильского процесса дипломатического урегулирования в обозначенном периоде является использование переговоров как тактического элемента в непрекращающейся борьбе с целью подчеркнуть собственную неготовность идти на уступки и акцентировать внимание на собственных интересах и выигрыше. Согласно М.М. Лебедевой, подобный подход к переговорам можно охарактеризовать как «торг» [85, с. 160].

Подробный анализ предпринятых попыток дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта в 1918-1977 гг. позволяет сделать вывод о том, что зачастую примитивное увеличение количества прямых контактов отнюдь не содействует в положительном ключе поиску взаимоприемлемого решения, а лишь подчеркивает бескомпромиссность занимаемых позиций, как это видно в рамках обозначенного хронологического периода, когда желание достичь компромисса не соответствовало первичным интересам сторон.

Рассматривая детальнее абстрактный исторический опыт дипломатического урегулирования конфликтов, можно заметить, что нередко достигнутое согласие сторон предваряется желанием той или иной стороны опередить оппонента и выдвинуть собственную инициативу с целью демонстрации пластичности собственной позиции как первостепенного катализатора мирного урегулирования. Однако, в случае арабо-израильского конфликта в указанный период детерминантами переговорного процесса являлись, с одной стороны, желание сионистской, а затем и израильской стороны, разобщить оппозиционно настроенную часть палестинского общества и политических элит, а с другой стороны, прагматические коммерческие интересы представителей арабского политического истеблишмента. Как уже упоминалось, обе стороны использовали процесс мирного урегулирования как тактический элемент продолжения противостояния, но уже бескровными средствами, т.е. использовали дипломатию как изнуряющий фактор в продолжающейся борьбе.

Подобный обструкционизм обуславливался несколькими причинами. Во-первых, стороны нередко отдавали предпочтение именно статус-кво, не желая вести переговоры с позиции стороны, вынужденной пойти на компромисс вместе с отказом от уступок оппоненту, когда такая возможность могла быть реализована. Во-вторых, зачастую складывалась ситуация, при которой стороны считали представителей оппонентов на переговорах неуполномоченными и некомпетентными для их проведения, в т.ч. с идеологической точки зрения, когда обе стороны отказывались встречаться как с «ястребами», так и с «голубями» противоположной стороны. Необходимо сделать уточнение о том, что употребленные термины относятся к неофициальной терминологии, фигурирующей в политическом дискурсе в отношении лиц, занимающих достаточно радикальную или, соответственно, уступчивую позицию в определенном вопросе. В данном контексте нежелание вести переговоры порой носило объективный характер ввиду того, что имела место некоторая асимметрия официальных статусов делегатов, когда некоторые решения требовали

согласования с вышестоящими по политическому статусу лицами, а когда таковой возможности не предоставлялось, делегатами порой принимались решения, которые постфактум дезавуировались руководством.

Как уже было упомянуто, в процессе установления сионистскими лидерами контактов с арабским миром, фокус был сосредоточен на установлении контактов с влиятельными представителями арабского мира за пределами Палестины в надежде реализовать «обмен услугами» в виде оказываемых еврейским народом арабскому миру услуг в обмен на влиятельность арабского истеблишмента в Палестине. Как и многие другие предпринятые шаги, данная формула не нашла реализации ввиду бескомпромиссности палестинской стороны.

В том числе, тщетными оказались попытки привлечения посредников к процессу дипломатического урегулирования вне зависимости от того, кто являлся «третьей стороной». В период действующего мандата Великобритании на Палестину, оппоненты нередко обращались к английской стороне, которая, в свою очередь, лишь создавала иллюзию согласия с необходимостью удовлетворения еврейских или палестинских интересов, что отрицательно влияло на осознание сторонами необходимости садиться за стол переговоров.

После возникновения Государства Израиль, английское дипломатическое посредничество сменилось советским и американским, однако, новый фактор в виде соперничества сверхдержав только подогрел непримиримость сторон ввиду вновь образованных баснословных источников дипломатической, военной и финансовой поддержки. Исходя из желания противодействовать американским интересам, СССР предоставлял военную помощь Египту и Сирии, что также способствовало эскалации противостояния.

Что касается палестинского вектора арабо-израильского конфликта в контексте внешней политики СССР, то до образования ООП данное направление не входило в сферу актуальных интересов сверхдержавы. После 1964 г. сотрудничество с ООП использовалось в качестве инструмента противостояния интересам США и поддерживаемой ими стороны – Государства Израиль. Последующее десятилетие ознаменовалось активизацией внешнеполитической деятельности СССР в данном направлении, о чем свидетельствует то, что после визита Я. Арафата в 1968 г. в Москву, Союз начал активную финансово-военную поддержку ООП и официальным заявлением несколько лет спустя поддержал палестинскую сторону и стремление палестинцев к созданию собственного государства. Более того, на фоне возросшего влияния США в ближневосточном регионе и ухудшения отношений СССР и Египта, в 1976 г. в Москве официально открылось представительство ООП, пять лет спустя получившее дипломатический статус, а в 1988 г. статус официального посольства [95, с. 77–78]. Что касается прямого посредничества сверхдержавы, то потенциальное участие СССР в урегулировании напрямую зависело от готовности конфликтующих сторон самостоятельно определить формат взаимоприемлемого решения.

Со своей стороны, США оказывали дипломатическую помощь следуя в фарватере внешней политики Израиля, что подразумевало нежелание считаться с палестинскими интересами. Региональное противостояние также обуславливает тот факт, что зачастую США закрывали глаза на военную активность Израиля в сторону арабских стран, в частности, сотрудничающих с СССР, надеясь, что это приведет к смене политических режимов на более лояльные США [44]. В контексте совместного сотрудничества сверхдержав немалую роль играет восприятие сторон друг другом, т.е. с точки зрения СССР, Израиль являлся лишь способом реализации интересов США, что в перспективе могло стать угрозой региональному миру и стабильности, соответственно, советская сторона ориентировалась на поддержку национальных идей арабского мира.

Посредническая деятельность сверхдержав, которую предваряла угроза военного вмешательства будущих посредников, обрела свои контуры лишь в 1973 г., после окончания войны Судного дня, когда дипломатические усилия СССР и США привели к прекращению огня сразу на двух фронтах, а именно в Сирии и Египте, что положительно повлияло на стабилизацию ситуации в регионе. Значимой фигурой в структуризации дипломатических маневров США на данном этапе урегулирования стал Г. Киссинджер, благодаря усилиям которого стороны прошли путь от прекращения военных действий к заключению соглашения об окончании войны в целом.

Женевская конференция 1974 г. лишь повысила значимость посреднических усилий сторон. Подписание соглашения между Израилем и Сирией о разъединении войск [61] произошло в присутствии СССР и США в роли председателей, что помимо всего прочего в перспективе могло значить совместное сотрудничество сверхдержав в регионе. Единственным шагом в данном ключе на тот момент стало подписанное в 1977 г. Министром иностранных дел СССР А. Громыко и Государственным секретарем США С. Вэнсом совместное заявление по вопросам ограничения стратегических вооружений [28], содержание которого, в частности, предусматривало ещё один этап переговоров в рамках Женевской конференции. Однако, отказ Израиля от сотрудничества с СССР и продолжавшееся советско-американское соперничество в регионе привели к отказу от данной инициативы.

Что касается посреднических усилий иных западных стран, то комплекс предпринятых ими дипломатических шагов характеризовался общей нерешительностью, незаинтересованностью и, соответственно, отсутствием структурированной позиции по данному вопросу. Однако, даже на этом фоне в 1977 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) официально задекларировало факт своего предпочтения палестинских интересов израильским путем содержащихся в Декларации формулировок о необходимости прямого палестинского участия в переговорах [33]. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на общую поддержку палестинцев, однозначные формулировки о необходимости создания ими собственного государства в упомянутой Декларации ЕЭС отсутствовали, что привело к соответствующей

реакции арабского сообщества в лице ЛАГ, потребовавшей более прозрачных формулировок о поддержке Палестины, в первую очередь ООП как «единственного представителя палестинского народа» и последовательного отказа от сотрудничества с Израилем.

В свою очередь, непосредственные участники конфликта отказывались от смягчения собственных позиций и требований в угоду необходимости прийти к компромиссу, что ещё раз подчеркивало категорическую несовместимость позиций сторон и косвенно подтверждало использование переговорного процесса в качестве стратегического инструмента продолжения конфронтации. Особенно неоднозначным элементом стал иммиграционный вопрос вкупе с соответствующими притязаниями сторон на независимость. Участниками переговорного процесса в данном ключе предлагались различные варианты разрешения вопроса, будь то иммиграционные ограничения, двойственный характер сосуществования на единой территории, паритетная основа сосуществования или образование кантонов [9]. Все возможные варианты были логически апробированы и подвергались неоднократному обсуждению как до возникновения Государства Израиль, так и после. Однако, основной проблемой являлось не отсутствие вариантов как таковых, а обструкционизм в позициях сторон, не выражавших желания идти на уступки и проявлять гибкость по отношению к оппоненту. Данные факторы обуславливают психологическую картину арабо-израильского конфликта, когда как израильская, так и арабская стороны обладают непоколебимой уверенностью в собственной правоте и оккупационных амбициях оппонента.

В контексте успешности и эффективности процесса дипломатического урегулирования необходимым является наличие четкой и структурированной политической позиции сторон, создание доброжелательного к данным дипломатическим усилиям окружения и создание стратегии, ключевым элементом которой станет путь от неприятия новых войн к повышению имиджа мирного сосуществования в прошлом конфликтующих сторон. Наличие непоколебимого новыми разногласиями мира подразумевало отказ от актуальной тогда формы дипломатического сотрудничества, при которой дипломатия рассматривалась не как способ разрешения конфликта, а как стратегический инструмент продолжения войны и демонстрации отрицательных черт противостоящей нации. В первую очередь требовалось фундаментальным образом пересмотреть восприятие конфликта путем проявления эмпатии к иной стороне, изменения привлекательности статуса-кво по сравнению с компромиссным решением, пересмотром смысловой роли «третьей стороны» не как могущественного военного союзника, а как эффективного посредника в дипломатическом урегулировании конфликта.

Катализатором некоторого улучшения ситуации стали произошедшие в последующие десятилетия изменения. Вместе с положительным влиянием от общего потепления в отношениях между членами мирового сообщества, окончания «холодной войны» и изменения характера мироустройства в сторону многополярности, после серии разрушительных войн (Ливанская война 1982 г.,

первая палестинская интифада в 1987-1991 гг. и войны в Персидском заливе 1991 г.) несколько изменилась расстановка сил в регионе в нескольких направлениях. Некоторые арабские страны выказывали амбиции на роль господствующей в регионе и политическое устройство как непосредственных участников конфликта Израиля и Палестины, так и региональных представителей подверглось некоторым корректировкам в контексте перебалансирования влияния политических партий и групп, что предоставило прекрасную возможность внести некоторую долю эффективности в дипломатическое урегулирование конфликта в 1970-1990 гг.

Таким образом, процесс дипломатического урегулирования в XX веке столкнулся со множеством предопределяющих его успешность факторов, будь то психологическая сторона восприятия участниками конфликта друг друга или наличие более веских причин невозможности совершать дипломатические маневры во благо мирного разрешения арабо-израильского конфликта. Данный период охарактеризовался большей сознательностью как арабской, так и израильской стороны по отношению к интересам и целеполаганию противостоящей стороны. Немаловажную роль имело посредничество т.н. «третьей стороны», изначально роль которой играла Великобритания, а после образования Государства Израиль в 1948 г. на смену английской дипломатии пришли на смену обладавшие тогда статусами сверхдержав СССР и США, что во многом сыграло положительную роль в становлении процесса дипломатического урегулирования. Благодаря активизации данного процесса более заметными стали контуры отдельных аспектов арабо-израильского конфликта, будь то непосредственно стержень конфликта в виде палестинской проблемы или проблематика взаимоотношений Государства Израиль с отдельными представителями арабского мира, в большей или меньшей степени проявляющими антипатию по отношению к еврейскому государству.

ГЛАВА 3. АРАБСКИЙ ВЕКТОР ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

3.1 Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 г.: первый шаг к миру

Кэмп-Дэвидские переговоры, получившие свое название по одноименной резиденции американского президента, являются наиболее известной вехой дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта. Необходимо подчеркнуть, что данные переговоры характеризуются наличием нескольких стадий, результатом которых стало подписание премьер-министром Израиля М. Бегином и президентом Египта А. Садатом при посредничестве американского президента Д. Картера трех соглашений, а именно двух рамочных соглашений, подписанных в 1978 г. и именуемых «Рамки мира на Ближнем Востоке» [57] и «Рамки для заключения договора между Египтом и Израилем» [54], которые стали основой заключения египетско-израильского мирного договора в 1979 г. и установления таким образом дипломатических отношений, преддверием которого стал комплекс предпринятых сторонами дипломатических шагов, подразумевавший активное взаимодействие путем обмена мнениями в различных форматах.

Однако, как уже упоминалось, это не первые попытки установления благоприятных взаимоотношений между Египтом и Израилем. Будучи сторонами, наметившими контуры дипломатического урегулирования всего конфликта путем заключения соглашения о прекращении военных действий в 1949 г. при посредничестве ООН, последующий менее успешный опыт дипломатического урегулирования в Женеве, Париже и Лозане также внес вклад в предопределение формата переговоров в будущем.

В становление картины египетско-израильских мирных переговоров в целом как отдельной ветви урегулирования конфликта вносит ясность предшествующие Кэмп-Дэвиду события. После оккупации Израилем Сектора Газа и Синайского полуострова по окончании Шестидневной войны в 1978 г., израильская сторона в лице министра иностранных дел М. Даяна рассчитывала на использование формулы «мир в обмен на землю», однако Египет до 1972 г. отказывался от заключения соглашения с позиции проигравшей стороны, но уже после прихода к власти А. Садата с собственным видением мироустройства в регионе, процесс дипломатического урегулирования при посредничестве США казался вполне реальным, однако президент США Р. Никсон, внешнеполитические приоритеты которого сместились на Вьетнам и т.н. «уотергейтский скандал», оставил без внимания данную возможность. «Челночная дипломатия» Г. Киссинджера привела к заключению «египетско-израильского соглашения о разъединении сил» («Синай-1») [42] и «временного соглашения между Израилем и Египтом» («Синай-2») [37]. Кроме того, важным подготовительным шагом явилось подписанное Египтом и Иорданией в 1974 г. «Александрийское коммюнике» [101], суть которого заключалась в том, что обе страны декларировали признание ООП как единственного представителя

палестинских арабов, исключая тех, что проживают в Иордании. Подобная постановка палестинского вопроса привела к недовольству политического истеблишмента и уже вскоре Я. Арафат совершил визит в Ливию с целью обсуждения данного коммюнике с М. Каддафи. По итогам данного визита стороны пришли к согласию относительно того, что содержание документа не соответствовало общепринятой большинством арабских стран позиции, которая подразумевала признание ООП как единственного представителя всего арабского народа Палестины.

Возвращаясь к египетско-израильскому мирному договору, необходимо обозначить позиции египетской и израильской сторон в преддверии Кэмп-дэвидских переговоров. Египет рассчитывал на возвращение Синая после войны, укрепление собственного имиджа как стороны, поддерживающей национальные притязания палестинцев и обретение могущественного союзника на фоне ухудшения отношений с СССР. Подтверждением этому является речь А. Садата, произнесенная им перед нижней палатой египетского парламента, т.н. «Меджлис Аш-Шааб». Египетский президент подчеркнул, что готов предпринять любые усилия, в т.ч. совершить визит в Израиль, с целью предотвращения гибели египетского народа в результате новой войны [84]. Однако, следует отметить, что предположительно помимо защиты своего народа, А. Садат ставил целью недопущение созыва следующего этапа Женевской конференции под руководством сверхдержав, что несколько уменьшало шансы на успешное завершение процесса мирного урегулирования и возвращения Синая по причине нежелания как Израилем, так и «третьей стороной» тщательно прорабатывать компромиссный вариант дипломатического урегулирования, в равной степени учитывающий интересы всех сторон.

Со своей стороны, Израиль руководствовался уже упомянутым принципом «мир в обмен на землю» и готов был предоставить незначительные уступки с целью смягчения общearабской категоричной позиции о недопустимости ведения диалога с еврейской нацией. После прихода к власти в Израиле М. Бегина, премьер-министр продолжил курс на дальнейшее укрепление актуальной на тот момент политики превосходства с позиции силы, учитывая военный успех новообразованного еврейского государства и наличие могущественного союзника в лице США. Новое правительство видело заключение сепаратных соглашений с каждым из арабских соседей как единственно возможный способ дипломатическим путем разрешить вопрос с Палестиной. При этом территория Иудеи и Самарии, в настоящее время расположенная на Западном берегу реки Иордан, продолжала считаться частью израильского государства, несмотря на оккупационный характер ее приобретения. Что касается непосредственно реакции израильской стороны на инициативу Египта в отношении мирного урегулирования, следует подчеркнуть, что правительство во главе с М. Бегом, предпринявшее шаг на встречу Египту, таким образом рассчитывало реализовать несколько целей. Во-первых, ослабить антиизраильскую коалицию путем выхода из нее египетской стороны после заключения мирного соглашения. Во-вторых, укрепить отношения с союзной

сверхдержавой и в целом добиться потепления во взаимоотношениях с мировым сообществом путем демонстрации готовности разрешить конфликт дипломатическим путем.

Что касается США, выступающих в роли «третьей стороны» как в рамках Кэмп-Дэвида, так и на протяжении всего конфликта, очевидным является желание сверхдержавы укрепить свое влияние в регионе и ослабить таким образом своего главного советского оппонента и его сателлитов. Данной линии соответствовал весь спектр дипломатических маневров США, направленный на укрепление имиджа американской стороны как наиболее эффективного союзника, способного оказывать не только военную, но и дипломатическую помощь.

Несмотря на то, что было использовано достаточно большое количество политических ресурсов с целью придания мирной инициативе большей легитимности, израильская и египетская стороны в равной степени столкнулись со скептически настроенной оппозицией в лице различных по статусу представителей власти, негативно оценивающих последствия подобных инициатив. Например, находящийся на тот момент в должности глава египетского внешнеполитического ведомства И. Фахми покинул свой пост [12]. То же касается и израильского Кнессета, члены которого опасались проявлять благосклонность к мирным инициативам, считая, что могут потерять авторитет, отвергая устоявшийся на тот момент формат израильских интересов, не подразумевающий уступки противоположной стороне. Смягчающим непреклонную позицию израильского истеблишмента фактором стал некогда анонсированный визит египетского президента А. Садата в Иерусалим. Сам факт визита «вчерашнего» врага вкупе с благожелательным содержанием произнесенных египетской стороной речей позволила М. Бегину рассчитывать на потепление отношения собственного правительства к дипломатическому формату урегулирования конфликта, включающему в себя необходимость поиска компромисса.

Однако, несмотря на заранее подготовленную благоприятную почву для начала процесса дипломатического урегулирования, некоторые аспекты арабо-израильского конфликта не потеряли характера принципиально важных и наиболее сложных с точки зрения возможности их разрешения. Очевидно, одним из таких аспектов является палестинский вопрос. Как уже упоминалось, израильское видение перспектив разрешения проблемы заключалось в подписании серии сепаратных соглашений с арабскими странами без намека на возвращение захваченных еврейским государством территорий. Более того, все активнее проводя поселенческую политику на вновь обретенных территориях, Израиль рассчитывал использовать данный фактор в качестве обосновывающего в первую очередь законность нахождения захваченных территорий в составе еврейского государства. Оспаривая израильскую позицию, Египет настаивал на прекращении израильского военного присутствия на данных территориях и праве палестинских арабов на управление этими землями.

Кроме внешних противоречий между израильской и египетской стороной, присутствовали разногласия внутри самих делегаций. Например, глава египетской делегации А. Садат настаивал на первостепенности разрешения вопроса о возвращении Синая, тогда как видный дипломат и будущий генеральный секретарь ООН Б. Гали настаивал на комплексном формате дипломатического урегулирования, включающим палестинскую проблему. В своем интервью израильскому министру иностранных дел М. Даяну, он подчеркивал, что «нельзя воспринимать палестинскую проблему как отдельное от всего арабского мира явление, в данном контексте нежелание премьер-министра признавать право палестинцев на самоопределение ничем не отличается от отказа признавать право на существование еврейского государства арабским миром» [73]. Во многом позиция Б. Гали предопределила действия египетского президента по окончании своего визита в Иерусалим. Созвав неофициальное заседание парламента, А. Садат объявил о намерении приложить все возможные усилия к организации следующего этапа Женевской конференции, повестка которой предполагала наличие в т.ч. палестинского вопроса. Приглашение к участию в конференции получили представители уже известных ранее сторон-посредников в лице обеих сверхдержав и ООН. Что касается непосредственных участников арабо-израильского конфликта, то приглашения были отправлены израильской, палестинской, иорданской, сирийской и ливанской сторонам. Необходимость участия в конференции СССР подчеркивалась объяснением египетского дипломата советскому послу В. Полякову важности фактора советского присутствия в регионе с целью поддержания баланса.

Важная роль в будущей конференции отводилась ООП, что подтверждается письмом, написанным лично Б. Гали и направленном Я. Арафату. С точки зрения дипломата, сам факт палестинского присутствия за одним столом переговоров с делегацией «непримиримого врага» будет являться пусть неофициальным, но взаимным признанием сторонами друг друга. Предполагалась даже возможность непрямого представительства палестинской стороны на переговорах.

Несмотря на широкую подготовительную работу, многие страны отклонили приглашения на участие в конференции. Советская сторона отвергла египетскую инициативу, обосновывая это тем, что столь значимая дипломатическая работа – компетенция сверхдержав, но никак не «рядового» участника конфликта. Отказ последовал и со стороны таких представителей в прошлом антиизраильской коалиции как Иордания, Сирия и Ливан, причем правительство последней отказалось под предлогом своего неучастия в предыдущих женевских переговорах. Наиболее значимым отказом в контексте данного этапа конференции стало нежелание ООП предпринимать шаги в сторону дипломатического урегулирования конфликта. Таким образом, по среди участников конференции остались Израиль, Египет, США и ООН.

Представители арабских стран (ООП, Сирии, Ливии, Алжира, НДРЙ) отрицательно оценили подобную инициативу. В практической плоскости это

привело к созданию т.н. «фронта стойкости и противодействия» египетской политике во главе с А. Садатом. Ответной мерой явился разрыв дипломатических отношений со странами-участниками фронта. Стремительному ухудшению характера взаимоотношений Египта и СССР способствовало закрытие советского, польского и чехословацкого консульств в Каире [55, с. 77]. Таким образом Советский Союз потерял последний наиболее значимый оплот своего влияния на ближневосточную реальность, т.к. дипломатические отношения с Израилем на тот момент также были разорваны.

Все предыдущие усилия Б. Гали по приданию значимости палестинской проблеме в контексте мирного урегулирования были аннулированы после убийства в 1978 г. главного редактора известного египетского издательства «Аль Ахрам» Ю. Сибаи, бывшего значимой для египетского президента и общества в целом фигурой. В данном контексте не меньшую роль играет неоднозначная оценка арабским миром израильской интервенции в Южный Ливан в 1978 г. Многие представители арабского мира возлагали ответственность за ливанскую войну на Египет, т.к. считали, что мирные инициативы египетской стороны подрывают общий характер непризнания действий Израиля.

Произошедшие события не оказали решающего влияния на судьбу процесса дипломатического урегулирования. Таким образом, новый этап переговорного процесса начался в 1978 г. в Кэмп-Дэвиде [66]. Как уже упоминалось, кэмп-дэвидские соглашения, подписанные А. Садатом и М. Бегинот в присутствии американского президента Д. Картера, носили комплексный характер и состояли из нескольких частей. Первая касалась непосредственно процесса мирного урегулирования между Египтом и Израилем, суть второй части сводилась к решению палестинской проблемы посредством создания автономии в т.н. «переходный период» с перспективой окончательного разрешения территориального вопроса в будущем. После оглашения сути соглашений, стороны снова столкнулись с возражениями представителей власти, особенно в Египте. Следующий за уже покинувшим свой пост новый руководитель внешнеполитического ведомства М. Кямил также сложил полномочия, а многие депутаты парламента заявляли о том, что требования египетского президента к израильской стороне носят слишком мягкий характер. Оппозиционно настроенная часть общества считала, что единственно верным решением со стороны Египта является отказ от диалога, на что делегаты, участвующие в переговорах, в достаточно объективной манере объясняли целеполагание египетской стороны, суть которого сводилась к всеобъемлющему разрешению арабо-израильского конфликта дипломатическим путем.

В продолжение оппозиционной линии страны-участники «фронта стойкости и противодействия» осуждали заключенные соглашения, признавая на встрече в Дамаске их незаконный характер. Однако, стоит отметить достаточно спорный, но положительно влияющий на региональную стабильность аспект, заключающийся в том, что как встреча в сирийской столице в сентябре 1978 г., так и в встреча в столице Ирака в ноябре того же года примирили «вчерашних» соперников, в частности, ООП с Ираком и Иорданией, Сирию с Ираком. К

общему осуждению Египта присоединилась и Саудовская Аравия. Таким образом, это оказало влияние на статус Египта во многих арабских организациях, в частности, штаб-квартира ЛАГ была перенесена в Тунис [107, с. 154-155].

Единым осудительным характером обладает реакция СССР и европейского сообщества в лице ЕЭС. Советский Союз охарактеризовал кэмп-дэвидские соглашения как «сепаратную сделку», а многие участники ЕЭС квалифицировали данные соглашения как «несоответствующие интересам всех сторон» [10]. Показательной стала реакция Франции, одной из наиболее влиятельных фигур на европейской политической карте. Французский президент В. Ж. д'Эстен отказался от инициативы японского премьер-министра М. Охара по официальному декларированию положительной оценки произошедших событий [23, с. 212].

После окончания переговоров в Кэмп-Дэвиде, египетский президент планировал заручиться поддержкой иорданского короля и с этой целью направился в Рабат. Однако, Хусейн отказался от поддержки Египта, объясняя это тем, что Иордания фигурировала в соглашениях без его ведома. Кроме того, министр иностранных дел Иордании М. Бусетта заявил, что Египет в ходе переговоров проигнорировал право палестинцев на самоопределение [65], что не повышало шансы А. Садата на поддержку извне. Стоит отметить, что это не является полностью оправданным заявлением ввиду того, что изначально как египетская, так и американская стороны намеревались включить в соглашения некоторые условия, обязывающие Израиль учесть требования палестинцев. Однако, в данном случае израильская дипломатия преуспела и в конечной версии договора палестинский вопрос упоминался обособленно, чему дополнительно способствовало отсутствие представительства палестинской стороны на переговорах. Кроме того, арабское сообщество приложило немало усилий с целью дипломатическим путем убедить Египет в необходимости дезавуировать мирное соглашение, однако успехом данные попытки не увенчались. Решающими факторами в данном контексте стали отсутствие уверенной поддержки ООП мировым сообществом, надежда египетской стороны на возвращение Синая и потенциальная возможность улучшения американо-египетских взаимоотношений.

Нельзя не упомянуть решающую роль США в данных переговорах. Именно благодаря американскому президенту Д. Картеру стороны смогли сесть за стол переговоров, где на протяжении практически двух недель вели интенсивный переговорный процесс. Кроме того, американский президент не единожды лично вносил коррективы в переговорный процесс, без которых все дипломатические усилия закончились бы провалом. Данный фактор демонстрировал заинтересованность американской стороны в успехе дипломатического урегулирования. Что касается непосредственных участников, важным аспектом являлось обоюдное желание египетской и израильской сторон заручиться таким образом американской поддержкой, прежде всего в финансовой и дипломатической плоскостях. Более того, Египет рассчитывал на усиление американской роли в переговорах, исходя из того, что «официальная

позиция американской стороны больше соответствует видению Египта» [40]. Однако, противоречия между сторонами очевидно играли куда более значимую роль, что отразилось в процессе перехода от переговоров в Кэмп-Дэвиде к непосредственному заключению мирного договора между сторонами.

Как уже упоминалось, египетская сторона, несмотря на предшествующие тому события, старалась учесть интересы всего арабского сообщества, включая палестинцев. Израиль же согласно выбранной им дипломатической линии намеревался заключать лишь сепаратные соглашения, без учета чаяний палестинского народа. Среди большого количества требований, выдвигаемых Египтом, присутствовали такие пункты, как заморозка поселенческой политики Израиля, решение вопроса с Иерусалимом, обязательное представительство палестинской стороны на дальнейших переговорах при условии выполнения резолюции СБ ООН № 242, направление международных наблюдателей в Палестину с целью контроля местных выборов, вывод израильских войск с оккупированных территорий, возвращение захваченных Израилем земель [21, с. 113-115] и др. Израильская сторона сочла многие из данных условий неприемлемыми, не желая возвращать захваченные территории и лишая Иерусалима статуса неделимой столицы Государства Израиль. Кроме того, нежелание ООП сотрудничать с Израилем и отсутствие палестинской стороны на переговорах являлось с точки зрения Израиля определяющими невозможность удовлетворения интересов палестинской стороны факторами.

Дополнительным прецедентом, требующим дипломатического вмешательства, стал проект мирного договора, содержащий статью № 6, согласно которой документ имел приоритет над другими международными соглашениями, заключенными египетской стороной, что делало невозможным выполнение некоторых взятых на себя Египтом обязательств перед другими странами. С целью разрешения прецедента, американской стороной в 1979 г. в Египет была направлена делегация в составе специального посланника президента Р. Аттерсона и советника по правовым вопросам Г. Хансела [89], однако усилия дипломатов не увенчались успехом, и миссия покинула страну.

Стоит отметить содержательную часть подготовленных Египтом договоров, правовым фундаментом которых стали кэмп-дэвидские соглашения и резолюция СБ ООН № 242. Первый подготовленный документ подразумевал разрешения вопроса с Синаем, второй же касался палестинской проблемы, а именно создания палестинской автономии. Текст последнего также подразумевал участие палестинской и иорданской стороны в переговорах, а в случае невозможности реализации данного сценария, представительскую роль должен был выполнять Египет с последующей возможностью дезавуировать представляемыми сторонами будущее соглашение.

Как уже отмечалось, в итоговой версии израильско-египетского мирного договора дипломатическое урегулирование отношений с Египтом и палестинский вопрос фигурировали обособленно. Кроме фактора израильской дипломатии, этому способствовало давление на А. Садата как политического истеблишмента Египта, так и мирового сообщества. Однако, соглашение было

одобрено как большинством египетского парламента на голосовании (320 голосов «за» и 15 «против» [56]), так и общественностью в ходе референдума. Так или иначе, открытыми оставались несколько принципиально важных в дипломатической плоскости вопросов, а именно отсутствие представительства других арабских стран и ООП в переговорном процессе.

Касательно нежелания арабских государств принимать участие в дипломатическом урегулировании, стоит отметить то, что большинство арабских стран квалифицировало заключенное соглашение как потакание интересам Израиля с последующими обвинениями Египта в игнорировании принципиальных интересов арабского мира. Это нашло свое отражение и в практической плоскости путем официального осуждения Египта на различных официальных мероприятиях и прерыванием действующего статуса членства Египта в некоторых организациях, например, в Организации исламской конференции (ОИК). Со своей стороны, Сирия призывала к осуждению заключенных договоренностей, Ирак настаивал на необходимости заморозить членство египетской стороны в Движении неприсоединения, в рамках которого советская сторона ещё более категоричным образом характеризовала соглашения.

В данном контексте вновь актуализировались действия египетского дипломата Б. Гали, который в своем выступлении на заседании Совета Европы в 1979 г. акцентировал внимание на том, что столь категоричное мнение большинства представителей мирового сообщества носит безосновательный характер, поскольку ещё в ходе подготовительного к переговорам процесса, Египет пытался привлечь как можно большее количество участников, в т.ч. из неарабского мира. Он отмечал, что успешность египетской мирной инициативы зависит как от готовности Израиля признать право палестинцев на самоопределение, так и от признания арабским миром заключенных договоренностей [71]. Кроме того, в ходе данного заседания поднимался вопрос о временном характере согласия Израиля на приостановку поселенческой политики на оккупированных территориях. Предтечей этому являлся отказ от выполнения письменного согласия Израиля, полученного Д. Картером на основании Женевской конвенции 1949 г., которая подразумевала «недопустимость изменения статуса оккупированных территорий» [10]. Министр иностранных дел Израиля М. Даян подчеркивал, что «отказ от приостановки поселенческой политики не означает, что живущим на данных территориях арабам там не место. Это значит, что проживание на данной территории является равным правом как арабского, так и еврейского народа» [16]. Кроме того, по мнению министра, вопрос с эмигрантами и беженцами необходимо было включить в компетенцию крупных арабских стран. После вывода израильской армии из Синая, уже упомянутая возможность двойной трактовки понятия «территории» в английской версии резолюции СБ ООН № 242 использовалась Израилем как обоснование достаточности предпринятых мер в рамках возвращения Израилем занятых территорий.

В отношении дипломатического урегулирования палестинского вопроса, необходимо отметить, что на данном этапе переговоры вновь были приостановлены по причине произошедших в ходе ливанской войны террористических актов по захвату заложников из израильского кибуца и убийства израильских поселенцев, когда ответные меры со стороны Израиля носили как политический, так и военный характер. Попытка их возобновления во второй половине 1980-х гг. вновь использовалась как стратегический инструмент «бескровной» войны в преддверии нового этапа военной конфронтации.

Таким образом, египетско-израильский мирный договор стал единственным положительным итогом кэмп-дэвидских переговоров, открыв возможность восстановления дипломатических отношений между сторонами и возвратив Синай в состав Египта, который заплатил за мирную инициативу временной международной изоляцией и гибелью А. Садата от рук оппозиционного любым мирным инициативам представителя арабского сообщества в 1981 г. Однако, нельзя игнорировать фундаментальное значение данного договора в рамках дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, особенно учитывая опыт прошлого, где нахождение конфликтующих сторон за столом переговоров воспринималось как невозможный сценарий. Данная попытка лишь подчеркивает, что предполагаемая неразрешимость данного конфликта может пошатнуться готовностью как прямых участников, так и «третьей стороны» вести переговоры и искать взаимоприемлемый компромисс, в т.ч. в контексте объективной оценки положительной роли дипломатических усилий сторон не участвующими напрямую в процессе мирного урегулирования государствами и организациями.

3.2 Особенности переговорного процесса между Сирийской Арабской Республикой, Государством Израиль и Ливанской Республикой

Предтечей дипломатического урегулирования между Израилем и Сирией стала первая арабо-израильская война 1948-1949 гг. и война Судного дня 1967 г. В первом случае, для Сирии итогом войны стало заключенное соглашение о перемирии [106] в 1949 г., а во втором случае сирийская сторона потеряла часть территорий, а именно Голанские Высоты, являющиеся камнем преткновения в сирийско-израильских взаимоотношениях и по сей день. Весной 1974 г. стороны при посредничестве американской стороны в лице Г. Киссинджера подписали соглашение [105], условиями которого являлись создание на Голанских Высотах буферной зоны, в которой предполагалось присутствие международных наблюдателей ООН, и разъединение сил на данной территории. Однако, уже через год было принято решение об объединении сирийско-палестинских сил с целью противодействия попыткам подменить всеобъемлющее мирное урегулирование дипломатическим путем, прежде всего палестинской проблемы, серией сепаратных сделок и отвлечением таким образом внимания от судьбы Палестины. Так же ухудшению сирийско-арабских отношений и приостановке

процесса дипломатического урегулирования данного вектора конфликта очевидно способствовала аннексия Голанских Высот Израилем в 1981 г.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что сирийско-израильские противоречия тесно переплетены со взаимоотношениями между Израилем и Ливаном, т.к. Сирия считала последний частью своей исторической родины. Ливанский кризис, прямое отношение к которому имеет как ООП, так и Сирия, стал объектом предшествующего следующему этапу политико-дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта. Многосторонняя встреча представителей Ливана, Сирии, ООП, Египта, Саудовской Аравии и Кувейта в 1976 г. завершилась подписанием соглашения о прекращении военных действий в Ливане [125, с. 99-100]. Кроме того, стороны повторно подчеркнули общность позиции относительно безраздельного представительства палестинского народа ООП, а представители Ливана гарантировали организации безопасность на собственной территории. Со своей стороны, палестинцы подтвердили готовность придерживаться политики невмешательства в дела отдельных представителей арабского сообщества.

Касательно ливано-израильских взаимоотношений, то после серии атак ООП с ливанской территории в отношении Израиля, последний вторгся в Ливан в 1978 г. и оккупировал территорию Южного Ливана с размещением там собственных войск, однако атаки с ливанской территории не прекращались. Ответной мерой стало очередное вторжение в 1982 г. в Ливан израильских войск с целью обеспечения безопасности на границах [130, с. 142]. Данные события имели значение в контексте предполагаемого влияния на процесс политико-дипломатического урегулирования с Сирией в силу того, что таким образом Израиль рассчитывал на вывод сирийских войск с территории Ливана, что уменьшило бы влияние Сирии в рамках арабо-израильского урегулирования и в перспективе позволило бы заключить ещё одно мирное соглашение с Ливаном.

Кроме того, в ходе первой ливанской войны среди союзников Израиля находились представители маронитов, возглавляемые Б. Жмайелем. Националистически настроенные марониты стали главными соперниками палестинской организации в Ливане [118, с.168]. Израиль ошибочно полагал, что заключение союза с маронитами позволит в будущем исключить ливанский фактор из процесса дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта путем провозглашения лидера «дружественных» маронитов президентом Ливана и соответствующего благоприятного характера будущих ливано-израильских отношений. Однако, Б. Жмайель порой отказывался оказывать военную помощь Израилю и не разделял израильского видения будущего Палестины, что убеждало Израиль в безрезультативности подобных планов.

После того, как израильские военные вошли в ливанскую столицу Бейрут, ООП под наблюдением международных сил покинула территорию страны и уже в декабре 1982 г. начался процесс мирного урегулирования ливано-израильской ветви конфликта. Как и в случае с Сирией, переговоры с Ливаном предварял опыт предыдущего дипломатического урегулирования в 1949 г., в т.ч. в

контексте формата ведения переговоров, когда стороны зачастую игнорировали представителя ООН и вели прямые переговоры между собой на арабском языке. Особую роль в поддержании регулярных контактов между сторонами сыграла созданная в 1949 г. израильско-ливанская примирительная комиссия, осуществлявшая пограничный контроль.

Своеобразным фундаментом будущих переговоров 1983 г. стало продолжение контактов Израиля с маронитами. Последние рассчитывали на израильскую поддержку в ходе местных выборов, тогда как Израиль продолжал рассматривать маронитов как эффективный инструмент в противостоянии с ООП. Изначально носившие неявный характер контакты к моменту начала переговоров обрели статус официальных. В данном контексте необходимо проследить за эволюцией целеполагания Израиля в отношениях с Ливаном. Изначально израильская сторона рассчитывала на получение разнообразных преференций и на заключение мирного договора с Ливаном, гарантирующим безопасность Израилю от возможных агрессивных действий сирийской и палестинской оппозиции с территории Ливана. Кроме того, Израиль надеялся продвинуть собственных протеже, например, известного леворадикального политического деятеля и одного из будущих основателей Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) В. Хаддада в состав ливанского правительства и таким образом лоббировать собственные интересы и навязывать условия мирного сосуществования.

Вскоре израильское правительство поняло, что шансы на успешное дипломатическое урегулирование с Ливаном достаточно призрачны, однако, Израиль был заинтересован в продолжении дипломатического урегулирования. Данный факт обусловлен прежде всего желанием прервать реализацию «плана Рейгана» [136] 1982 г., согласно которому факт того, что ООП покинула Бейрут, является достаточным обоснованием для начала нового этапа переговоров на палестинском направлении. Как и свой предшественник, Р. Рейган настаивал на приостановке поселенческой политики Израиля, однако, с новым элементом в виде привлечения Иордании к решению данного вопроса. Очевидно, инициатива американского президента по увязке ливанского вектора мирного урегулирования и израильско-иорданских отношений с палестинским вопросом вызвала неудовлетворение Израиля и квалифицировалась им как помеха дипломатическому урегулированию. Арабское сообщество также не выказало поддержки данного плана, ограничившись Фесской декларацией ЛАГ 1982 г [96].

Ливанское целеполагание в большей степени было ориентировано на внутренние процессы. Б. Жмайель, как и его преемник брат А. Жмайель рассчитывали на политическую поддержку израильской стороны в рамках консолидации населения и восстановления целостности Ливана, а также на дипломатическое сопровождение переговоров о выводе военного контингента с территории Ливана, в т.ч. израильского, поскольку израильско-палестинское противостояние не входило в план А. Жмайеля по национальному проектированию и без того идеологически расколотого Ливана. Стоит

подчеркнуть, что оба правителя видели израильско-ливанские взаимоотношения на всех уровнях в формате «обмена услугами», когда мир становится своеобразной разменной картой в поисках внешнеполитической и экономической поддержки. Как и в случае с палестинцами, на данном этапе стороны приступали к переговорному процессу отнюдь не с целью добиться окончательного разрешения существующих проблем и установить мир дипломатическим путем.

Важную роль сыграл фактор медлительности сторон в контексте необходимости скорейшего заключения мирного соглашения. После того, как отряды ООП были вынуждены покинуть Бейрут и после победы над сирийским военным контингентом в ходе войны 1982 г., Израиль действовал с позиции силы, вынуждая ливанскую сторону поступаться собственными интересами, при этом игнорируя персональную возможность идти на уступки. Предыдущий опыт привлечения американской стороны в качестве посредника закончился не столь удачно в силу того, что изначально представители США действовали в большей степени руководствуясь позицией Израиля, что объясняется желанием американской стороны ослабить признанного арабским миром представителя палестинского народа и правительство Сирии, возглавляемое Х. Асадом. Ещё одним «промахом» американской дипломатии стал уже упомянутый план Рейгана по ближневосточному урегулированию, который не только не согласовали с израильской стороной, но и ознакомили с ним М. Бегина всего за несколько часов до предстоящей встречи с президентом Ливана Б. Жмайелем, что негативно повлияло на ход встречи и восприятие сторон друг другом в дальнейшем.

Многие дипломаты выдвигают предположения о том, что более оперативный и организованный характер действий сторон коренным образом мог повлиять на стабилизацию пограничной ситуации и вывод иностранных войск с ливанской территории [82, с. 178-179]. Восьмимесячный перерыв, половина которого была отведена под длительный процесс переговоров, позволил Сирии восстановиться после ливанской войны и таким образом отчасти обеспечить себя возможностью игнорирования условий соглашения.

Успешность процесса мирного урегулирования практически никак не повлияла на внутреннее состояние Ливана, где насилие в восьмидесятих годах двадцатого века приобрело перманентный характер, а правительство рассматривалось как незаконное, представляющее интересы малой части населения и чрезмерно потакающее Израилю. С целью разрешения данной ситуации, А. Жмайель прикладывал усилия по обеспечению переговорного процесса максимально широким представительством ливанской общественности. Израильский дипломат Д. Кимч, проектировавший союз с маронитами и возглавляющий израильскую делегацию в ходе переговоров отмечал, что подобные действия ливанского лидера носили скорее отрицательные характер, т.к. единовременное маронитское, шиитское, суннитское, и греко-католическое представительство в рамках единой делегации

лишь замедляло ход переговоров в силу необходимости согласования делегатами своих действий с лидерами представляемых общин [100].

Израиль планировал воспользоваться вышеупомянутым обстоятельством с целью реализации собственных интересов. Однако, особое дипломатическое маневрирование не имело смысла по причине того, что асимметрия в статусах делегатов лишь усиливалась дипломатической неопытностью представителей Ливана по сравнению, например, с израильскими делегатами премьер-министром М. Бегоном и министром обороны А. Шароном.

Еще меньшую эффективность обеспечивали попытки американской стороны катализировать заключение мира путем введения в переговорный процесс новых фигур, среди которых присутствовали американский госсекретарь Д. Шульц и посол США в Израиле Ф. Хабиб [13]. Подобные высоты оказались недостижимы для ливанской дипломатии, что упускалось из вида как израильской, так и американской сторонами.

Новые коррективы в целеполагание американской стороны в процессе дипломатического урегулирования ливано-израильской ветви конфликта вносил план Р. Рейгана. Формулируя американское видение палестино-израильского урегулирования, он рассматривал США не просто как посредника, а как страну, напрямую определяющую формат и ход ближневосточного урегулирования. Однако, этот план так и остался на бумаге, т.к. как ливанская, так и израильская стороны порой чрезмерно настойчиво пытались предрасположить США к своей позиции вместо того, чтобы акцентировать внимание на поиске компромисса.

Ближе к моменту окончания переговоров, осознав, что формуле американских приоритетов по стабилизации ситуации «здесь и сейчас» в большей степени соответствуют ливанские, нежели израильские интересы, направленные на урегулирование в рамках всего ближневосточного конфликта, министр обороны Израиля А. Шарон предпринял попытку уменьшить американское влияние на переговорный процесс путем организации двусторонних переговоров, однако А. Жмайель дезавуировал предварительные договоренности с целью возвращения американской стороны в процесс дипломатического урегулирования. Желание привлечь на свою сторону столь могущественного союзника объясняет нежелание учитывать израильские интересы по сохранению контингента на ливанской территории.

Следует отметить, что подобный сценарий во многом воспроизводит образ кэмп-дэвидских переговоров, когда американская сторона не только выполняла роль наблюдателя, но и вмешивалась в ход дипломатического урегулирования. Более того, в данном случае американская позиция снова перекликалась отнюдь не с израильской, что заставило последнюю в некотором смысле действовать против интересов своего главного союзника. Как и в случае Кэмп-Дэвида, американская сторона, на этот раз в лице своего посла в Израиле Ф. Хабиба, рекомендовала оппоненту Израиля повременить или вовсе отказаться от заключения договоров с Израилем из-за потенциальной возможности давления со стороны арабского сообщества. Если Египет мог себе позволить подобный шаг, то Ливан бы не справился с внушительным политическим давлением.

Во многом именно американская сторона являлась катализатором дипломатического урегулирования ливано-израильского вектора конфликта в силу того, что без посредничества США стороны могли приостановить мирный процесс из-за глобальной несовместимости позиций. Однако, несмотря на 130-часовые переговоры сторон (в общем за пол года) и усилия державы-посредника, израильско-ливанское соглашение 1983 г. [108] не было реализовано в практическом ключе. Страной, получившей наибольшие преференции по итогам переговоров, в очередной оказался Израиль, чья дипломатия снова заставила оппонента жертвовать во имя компромисса собственными интересами. Тем не менее, несмотря на факт заключения соглашения, к разочарованию Израиля документ не стал следующим в израильской «копилке» сепаратных мирных соглашений.

Несмотря на попытку США и его регионального союзника придать израильско-ливанскому дипломатическому урегулированию статус «нового Кэмп-Дэвида», принципиальные различия в статусах, целеполагании и могуществе сторон не позволяло этого сделать. В то время как Египет мог себе позволить равное дипломатическое представительство и политический вес с соответствующим уровнем встречных требований, ливанские дипломаты действовали с некоторой долей обреченности в силу того, что израильский лозунг в Ливане «мир Галилее» был актуален только для еврейского народа, а продолжающаяся война не входила в список национальных приоритетов внутри Ливана и мирное соглашение с Израилем было единственным шансом на стабилизацию внутривнутриполитической ситуации. Даже в позднем израильском восприятии данное соглашение фигурировало в несколько негативном ключе в силу того, что Израиль не смог добиться всех поставленных им в Ливане целей. Глава Иерусалимского института стратегических исследований Э. Инбар отождествил подписанный документ со шведской пословицей «операция прошла успешно, но пациент скончался» [57].

Документ прошел процедуру ратификации в странах-подписантах, после чего американская сторона сочла свою миссию выполненной и успешно покинула ливанскую территорию в 1984 г., оставив Ливан «тет-а-тет» с Сирией, которая не выказывала положительного мнения о заключенных договоренностях и потребовала от Ливана их дезавуировать. Учитывая факт отсутствия внешней и внутренней поддержки, А. Жмайель вынужден был пойти на данную меру, параллельно аннулируя мандат израильской миссии на наблюдение за ходом реализации документа.

Некоторый прогресс в дипломатическое урегулирование ливано-израильской ветви конфликта внесло потепление мирового политического климата в 1980-х гг., когда все еще соперничающие сверхдержавы опубликовали совместное заявление по ливанскому вопросу, содержание которого отражало позицию американской и советской сторон о том, что «единственно возможными инструментами стабилизации состояния Ливана является диалог и дипломатия» [22]. Процесс мирного урегулирования в международно-правовой плоскости сторонами рассматривался через призму выполнения пунктов резолюции СБ

ООН № 425 [43] о введении на территорию Ливана миротворческих контингентов.

Со своей стороны, Сирия акцентировала внимание на том, что подписание нового мирного соглашения с Израилем реализуемо лишь совместно с Ливаном, обладающим статусом суверенного государства и не нуждающимся в представительстве. Намерение Сирии принять участие в переговорном процессе значительным образом обременяло перспективу дипломатического урегулирования данной ветви конфликта. Практической реализацией намерения Сирии внести собственные коррективы в ближневосточное урегулирование явилось согласие на участие в Мадридской мирной конференции в 1991 г. по приглашению американской стороны. Данное решение обуславливалось желанием Х. Асада исключить возможность остаться «тет-а-тет» с Израилем и обрести нового могущественного союзника после распада СССР, не имея возможности более самостоятельно обеспечить военно-политический паритет по отношению к израильскому оппоненту. Кроме того, решающим элементом на чаше весов в пользу дипломатического урегулирования стала невозможность применения силы с целью возвращения под собственный суверенитет Голанских Высот.

Несмотря на то, что итог мадридских переговоров был несколько сомнительным с точки зрения прогресса в урегулировании, в дипломатическом ключе конференция явилась прочным фундаментом для следующего шага в контексте мирного урегулирования ближневосточного конфликта дипломатическим путем, в частности, уже по состоянию на 1991 г. способствовав укреплению контактов сирийской и израильской сторон.

Катализатором возобновления дипломатических усилий вновь стала смена фигур на политической карте Израиля. В 1992 г. лидером правящей партии «Авода» становится премьер-министр И. Рабин, что положительно влияет на готовность Израиля придерживаться мирного курса арабо-израильского урегулирования. Премьер публично заявил о готовности демилитаризовать территорию Голанских высот и отвести израильские военные контингенты к границам 1967 г. [71, с. 77-81], что было воспринято как реальный шанс окончательного сирийско-израильского мирного урегулирования, однако в дальнейшем лишь усложнило картину двусторонних отношений.

Дипломатическое сопровождение американской стороной дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта все увереннее приобретало перманентный характер, т.к. именно благодаря дипломатическим усилиям США по организации переговоров между Х. Асадом и Ш. Пересом, по результатам которых вновь была предпринята попытка начать мирный процесс в декабре 1995 г., однако вновь недолговременная по причине возобновившихся в Израиле терактов. Дополнительным фактором долгосрочного перерыва в процессе мирного урегулирования стал приход к власти Б. Нетаниягу [55].

После нового витка трансформации израильского политического управления в виде прихода к власти нового лидера партии «Авода» Э. Барака, процесс дипломатического урегулирования сирийско-израильских

противоречий продолжился лишь на рубеже веков в 1999 г. Учитывая факт активизации параллельного процесса в палестинском направлении, премьер-министр заверил Я. Арафата в том, что сирийский вектор урегулирования никак не повлияет на статус и ход переговоров с палестинской стороной [116]. Представитель Палестины положительно отзывался о продолжении сирийского мирного процесса, сделав заявление о том, что это соответствует интересам всего мирового сообщества, в т.ч. палестинского народа [109, с. 244].

Следующий этап сирийско-израильского урегулирования стал возможен после визитов госсекретаря США М. Олбрайт в ряд ближневосточных столиц, что вновь стало примером эффективности американской челночной дипломатии. Помимо американской стороны, на рубеже веков желание оказать посреднические услуги выказали как некоторые западноевропейские страны, так и правопреемница СССР – Российская Федерация.

Новый этап переговоров прошел на достаточно высоком уровне. Израильскую делегацию в Шепердстауне возглавлял премьер-министр Э. Барак, в то время сирийское представительство возглавлял министр иностранных дел Сирии Ф. а-Шара.

В контексте целеполагания, стороны вновь расценивали ретроспективу конфликтных взаимоотношений как разменную карту. После того, как сирийская сторона лишилась шансов на поддержку Иордании в Ливии после подписания иордано-израильского мирного договора [99], о котором речь пойдет в следующем подразделе дипломной работы, единственным шансом получить некоторые преференции по итогам переговоров для Сирии стало напоминание израильскому премьер-министру Э. Бараку некогда данных им обещаний по выводу израильского военного контингента с территории Ливана и возвращении Сирии Голанских Высот [30]. Дополнительным фактором в нежелании Х. Асада затягивать начало переговорного процесса стало опасение лишиться американской поддержки в случае оставления Б. Клинтоном президентского поста. Таким образом, восприятие дипломатического урегулирования сирийской стороной изменилось, однако Х. Асад все ещё видел единственной достойной перспективой завершения переговоров возвращение Сирии суверенитета над Голанами.

Со своей стороны, израильский премьер подтверждал взятое им обязательство с возможностью возвращения к границам 1967 г., однако Израиль оказался в условиях, аналогичных некогда египетским, а именно столкнулся с восприятием политическим истеблишментом и общественностью готовности идти на компромисс как «игнорирования» интересов представляемого народа. В силу многократно усилившегося политического давления со стороны электората и крупнейших израильских партий [19], Э. Барак не подтвердил повторно своей готовности совершить подобный шаг, ограничиваясь в будущем дипломатически неоднозначными заверениями сирийской стороны о том, что несколько сотен метров перемещения линии границ ничто по сравнению с той выгодой, что получит Сирия от установления всеобъемлющего мира в регионе.

Возвращаясь к переговорам 2000 г. в Шепердстауне, необходимо рассмотреть их повестку, включавшую непосредственно вопрос о Голанских Высотах, демилитаризацию границ, «водный» вопрос, проблему активизации деятельности «Хезболлы» и обещанный израильским премьером вывод войск из Ливана. Ни одна из данных проблем не была решена по итогам переговоров, однако, создавалось несколько экспертных групп по составлению пунктов будущего мирного соглашения. По итогам своей работы, эксперты определили ряд следующих принципиально важных для разрешения вопросов: демаркация границ, гарантии взаимной безопасности, решение проблемы «водных ресурсов», определение контуров будущих взаимоотношений между странами в экономической и политической сферах [113]. Однако, переговоры были вновь отложены и перспективы подписания сирийско-израильского мирного договора обретали весьма неясный характер. После этого Сирия отказывалась продолжать переговоры.

На фоне отсутствующих успехов в сирийском направлении, возобновилось урегулирование ливанского вопроса, по итогам которого завершилась более чем двадцатилетняя оккупации Южного Ливана израильскими войсками и появлению там миротворческих сил ООН. Несмотря на формально успешное завершение мирного урегулирования, осталось достаточно много неразрешенных аспектов, в т.ч. проблема «ферм а-Шеба» или «Мазария-Шабья», т.е. спорной территории на ливано-голанской границе [71]. По итогам шестидневной войны данные территории контролировались Израилем, однако после демилитаризации данной зоны вновь актуализировался вопрос о принадлежности [68].

Сирийская сторона подчеркивала, что необходимо исключение военных действий в качестве альтернативы переговорному процессу и включение в него всего комплекса арабо-израильских противоречий. Единственно возможным способ разрешения сирийского вектора конфликта рассматривалось Х. Асадом в форме возвращения дипломатическим путем под сирийский суверенитет захваченных израильской стороной территорий. В данном контексте снова следует подчеркнуть необходимость международно-правового посредничества в лице ООН, а именно соблюдения сторонами резолюций № 242 [40] и № 338 [42], непосредственно затрагивающих вопрос о Голанских Высотах.

В начале нового века роль «третьей стороны» в лице ООН, ЕС, ближневосточного «квартета» и крупных держав в рамках дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта только возросла. С целью недопущения нового витка военного противостояния в начале 2000-х гг. СБ ООН опубликовал резолюции № 1428 [57] и № 1525 [59], имеющих непосредственное отношение к продлению мандата международных сил ООН на присутствие в Ливане. После окончания израильской операции «принуждения ливанской стороны к миру» и по итогам второй ливанской войны СБ ООН была принята резолюция № 1701 [60] о прекращении военных действий в 2006 г.

В октябре 2003 г. в рамках ближневосточного «квартета» обсуждалась идея о конкретизации «дорожной карты» для сирийского и ливанского участков

ближневосточного урегулирования. Российская сторона говорило о необходимости проведения международной конференции с учетом интересов израильской, сирийской и ливанской сторон. Со своей стороны, США предпочитали акцентировали внимание на исключении из ливано-израильского конфликта сирийского фактора и «Хезболлы». Однако, даже спустя полтора десятилетия

Следующая попытка начать процесс дипломатического урегулирования была предпринята только лишь спустя восемь лет после окончания переговоров в Шепердстауне. В апреле 2007 г. премьер-министр Э. Ольмерт подчеркнул, что, хотя Израиль заинтересован в мире с Сирией, эта страна продолжает оставаться силой, которая поощряет террор на всем Ближнем Востоке.

Уже через год, 21 мая 2008 г. одновременно в Иерусалиме, Дамаске и Анкаре было опубликовано объявление о начале мирных переговоров между Израилем и Сирией при посредничестве Турции. Однако, переговорный процесс был прерван после вторжения Израиля в Сектор Газа в декабре того же года. Что касается непосредственно посреднической роли Турции, то израильская сторона неоднократно заявляла о нецелесообразности услуг турецкого посредничества ввиду «предвзятости». Куда более предпочтительной для Государства Израиль в этом смысле является французская дипломатия.

В дальнейшем Б. Асад неоднократно заявлял о готовности сирийской дипломатии к дальнейшему продолжению переговорного процесса с целью разрешения принципиального вопроса о суверенитете Голанских Высот. Данное условие не устраивает Израиль и еврейское государство со своей стороны настаивает на необходимости ведения переговоров без каких-либо предварительных условий, при этом дипломатично выдвигая собственные, в частности, необходимость сирийского дистанцирования от Ирана и прекращения поддержки терроризма в лице «Хезболлы». Спустя несколько лет, Израиль предпринял ещё один шаг, затрудняющий сирийско-израильское урегулирование, а именно принял законопроект, подразумевающий решение голанского вопроса только через волеизъявление народа путем референдума и согласия парламентского большинства. В частности, «сделка века», опубликованная Д. Трампом в начале 2020 года признает Голанские Высоты частью территории Израиля [121], что в очередной раз подчеркивает неготовность Израиля поступаться собственными интересами.

Таким образом, историческая ретроспектива показывает, что сирийско-израильский вектор дипломатического урегулирования сосредоточен на решении территориального вопроса о принадлежности Голанских Высот. На протяжении XX века переговорный процесс не единожды приостанавливался и даже смена политического руководства в обеих странах не смогла внести ясные коррективы в будущее территориального спора, даже учитывая усилившуюся роль «третьей стороны» в процессе дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта с такими частными составляющими, как сирийский и ливанский вопросы. Однако, если с сирийской стороны проблема дипломатического урегулирования имеет четкие контуры в виде необходимости

урегулирования территориального вопроса, то в случае с Ливаном использование переговорного процесса как способа разрешения конфликта находится под вопросом в силу того, что на современном этапе конфликт сосредоточен на противостоянии «Хезболле», а ведение переговоров с подобными группировками является весьма сложным и порой невозможным с практической точки зрения процессом.

3.3 Процесс эволюции дипломатического урегулирования и израильско-иорданский мирный договор

История дипломатического урегулирование иорданского вектора арабо-израильского конфликта связана с исторической принадлежностью Западного берега реки Иордан и различных аспектов проживания палестинского населения на данной территории, что с самого начала определяло характер взаимодействия и контактов иорданской стороны сначала с сионистами, потом с израильцами. Причем данные контакты носили не разовый характер, а уже с самого начала обрели статус долговременного фундамента иордано-израильского взаимодействия. Очевидными стимулами к поддержанию контактов в первую очередь в сфере безопасности является наличие достаточно протяженной общей границы и совместных интересов на подконтрольных сторонам территориях Западного берега реки Иордан и Иерусалима, актуальность палестинской проблемы как для Израиля, так и для Иордании. На более поздних этапах появились такие принципиальные вопросы, как американский фактор, сирийская проблема и необходимость сдерживание исламских фундаменталистов.

Несмотря на то, что Иордания в течение XX века формально являлась непосредственной участницей военных антиизраильских коалиций, в т.ч. выполняя условия известной Хартумской декларации 1967 г. [53], в подходе Иорданского Хашимитского Королевства существуют некоторые особенности и аспекты, определяющие отличный от иных государств формат дипломатического урегулирования, характеризующийся некоторой дихотомией. По сравнению с уже рассмотренными примерами, иордано-израильские контакты почти сразу после своего возникновения стали носить прямой характер, соответственно, противоречия улаживались путем переговоров без элементов стороннего посредничества. Однако, несмотря на достаточно высокий уровень представительства, контакты зачастую носили неофициальный характер.

Лондонский документ от 11 апреля 1987 г. [19], подписанный королем Иордании Хусейн ибн Талалом и главой внешнеполитического ведомства Израиля Шимоном Пересом, стал своеобразным способом признания официального характера иордано-израильских контактов. Данный документ отражает практическую направленность желания сторон разрешения противоречий дипломатическим путем. Как уже упоминалось, взаимоотношения Иордании с еврейским государством обладают рядом принципиальных отличий, контуры которых заметны при анализе целеполагания сторон. Если в рамках

предыдущих раундов переговорного процесса стороны ввиду различного статуса поступались собственными интересами и зачастую ставили целью не заключение мира, а привлечения на свою сторону симпатий могущественного американского посредника, то в данном случае иорданская и израильская дипломатия видели конечным результатом непосредственно разработку дипломатического механизма достижения мира. Примечателен тот факт, что данная инициатива проистекает из неучастия Иордании в кэмп-дэвидских переговорах и соответствующего желания инициировать новый виток переговорного процесса, причем при участии палестинской стороны в лице Я. Арафата, который порой рассматривался иорданским монархом лишь как младший партнер. Руководствуясь данным желанием, иорданский король заключил с палестинским лидером соглашение в феврале 1985 г. [125], подразумевающее помимо всего прочего созыв международной конференции, в которой обязательным элементом является палестинское представительство в составе иорданской делегации. Однако, как и раньше, вопрос палестинского представительства сталкивался с нежеланием Я. Арафата иметь дело с Израилем.

Несмотря на безрезультативность дипломатических усилий в палестинском направлении, официальный Амман продолжил попытки реализовать в практической плоскости собственное видение мира на Ближнем Востоке, однако уже в направлении еврейского государства, причем публично акцентируя внимание на том, что данная возможность потенциально реализуема и без прямого участия представителя Палестины в предстоящих переговорах. Большой вклад в содержание Лондонского документа внес премьер-министр Израиля Ш. Перес, который в 1985 г. представил общественности собственный план мирного урегулирования с акцентом на обязательность наличия дипломатических средств взаимодействия [100]. Следует подчеркнуть, подобная риторика присутствовала не только на бумаге, поскольку в ходе своих многочисленных визитов в другие страны, израильский премьер-министр вновь и вновь подтверждал готовность вести диалог, что в свою очередь повлияло на арабское сообщество. Например, король Марокко Хуссейн II призывал к необходимости отхода от общепринятой практики бойкотирования диалога с еврейским государством.

Израильский премьер поддержал инициативу иорданского короля по созыву международной конференции не только с целью обретения нового союзника в деле мирного урегулирования, но и руководствуясь практической возможностью усилиями иорданской дипломатии привлечь к переговорам палестинцев и избежать новой волны обвинений международного сообщества в нежелании вести диалог.

Лондонский документ неслучайно имел в названии часть о «иордано-израильском взаимопонимании», т.к. его содержание отражало готовность сторон к взаимоприемлемому компромиссу, что было не свойственно по крайней мере для израильской стороны, учитывая итоги предыдущих переговоров. Своеобразным достижением Израиля стал отказ от ряда выдвигаемых ранее условий путем подписания документа, содержащего пункт о «защите законных

прав народа Палестины». Примечательно, что подобные формулировки содержались в т.ч. в тексте кэмп-дэвидских соглашений, однако израильская дипломатия и правящие политические круги предпочитали не упоминать данный нюанс. Более того, согласие официального Иерусалима на участие в международной конференции под эгидой ООН, привело к политическому давлению на премьера со стороны израильского истеблишмента, продолжавшего отвергать большинство формул мирного урегулирования. Премьер в свою очередь пояснял безосновательность данной позиции невозможностью наложения вето со стороны других стран на будущее соглашение. Однако, характер международной конференции определило согласие Иордании на ведение переговоров без оглядки на глобальный процесс ближневосточного урегулирования, что снова доказывает успешность израильской дипломатии в русле необходимости превращения мирных договоров с арабским сообществом в сепаратные сделки.

Не обошлось и без классического элемента участия американской дипломатии в организации мирной инициативы. Американские дипломаты, в частности, посол Т. Пикеринг, госсекретарь Д. Шульц и вице-президент Д. Буш, создали достаточно прочную базу иордано-израильского взаимодействия в рамках конференции путем постоянного уточнения через определенные дипломатические каналы некоторых аспектов позиций внешнеполитического ведомства Израиля и влиятельного окружения иорданского монарха. Однако, несмотря на активную подготовительную работу, американская сторона по итогам переговоров не одобрила инициативу иорданского короля и израильского премьера, опасаясь за собственный имидж в случае возможного провала переговоров. В свою очередь это повлияло на весь ход дипломатического урегулирования после подписания документа, заставив стороны вернуться к исходным позициям.

Как и ранее, отсутствие успешных шагов в рамках дипломатического урегулирования отчасти обосновывается внутривосточной ситуацией в Израиле, где противоречия между правящими кругами не позволяли выработать единую внешнеполитическую позицию в данном отношении, что усугублялось типичным для участников ближневосточного урегулирования желанием привлечь симпатии американской стороны вместо того, чтобы сосредоточиться на дальнейшем поиске компромисса.

Отказ Иордании от административно-правового контроля над территорией Западного берега в 1988 г. и принятая ООП Декларация независимости [101] в том же году, где фигурировала формула «два государства для двух народов» положили конец Лондонской инициативе. Кроме того, вновь сыграло роль различие в статусах сторон, а именно палестинской и израильской. Первая отказывалась от прямого представительства, чем воспользовалась Иордания в целях создания условий, при которых иорданская сторона обладала бы юридическим правом участвовать в переговорах по выдворению Израиля с территории пока ещё подконтрольного Западного берега. Однако, король так и не добился мандата на представительство от Я. Арафата, что обрекло данный

план на провал. Что касается Израиля, то смена Ш. Пересом должности премьера на пост главы внешнеполитического ведомства ставила под вопрос компетенцию экс-премьера на полноценное представительство всех сфер интересов еврейского государства. В частности, в своих мемуарах Ш. Перес отмечал значительный негативный вклад сменившего его на премьерском посту И. Шамира в деле безуспешного окончания Лондонской инициативы по причине игнорирования последним его планов и мирных инициатив [116]. Однако, стороны и не предполагали, что спустя относительно короткий промежуток времени представится ещё одна многообещающая возможность дипломатического урегулирования, чему способствовало продолжение иордано-израильского взаимодействия на высоком и высших уровнях.

Мадридская конференция 1991 г. способствовала дальнейшему поддержанию взаимных контактов на различных уровнях, что привело к заключению 26 октября 1994 г. иордано-израильского мирного договора [14], который появился не только благодаря заданному конференцией тону на продолжение дипломатического регулирования, но и благодаря серии неофициальных переговоров после завершения мадридского процесса.

Как и на ранних этапах, Израиль планировал заключение сепаратной сделки и использование успешно апробированного принципа «мир в обмен на землю» в отношении занятого им Западного берега в ходе дипломатического урегулирования, что позволило бы перенести палестинский вопрос под юрисдикцию Иордании. Кроме того, уже на данном этапе намечались контуры сотрудничества с палестинской стороной, однако первостепенным приоритетом в силу внутривосточных причин стало Иорданское Хашимитское Королевство. В свою очередь, для иорданского монарха был актуален вопрос не о потенциальной возможности мира, а о условиях его заключения. В рамках не менее важных интересов США находились вопросы о взаимоотношениях с США ввиду их статуса единственной на тот момент сверхдержавы после распада Советского Союза и палестинский вопрос, поскольку перспектива остаться «тет-а-тет» с палестинцами на территории Западного берега без израильского присутствия могла пошатнуть основы регионального влияния Иордании и повредить национальным интересам. Кроме того, потенциальная возможность оформления взаимодействия между Израилем и ООП позволяла придать иордано-израильским отношениям статус официальных без оглядки на волю региональных представителей. Примечателен тот факт, что иордано-израильское соглашение было подписано буквально на следующий день после заключения соглашения еврейским государством и ООП [95, с. 59].

Таким образом, дипломатическая подоплека сложившейся ситуации выглядела обескураживающим успехом для всех сторон, т.к. в большей или меньшей степени удовлетворяло интересы сторон и положительно влияло на восприятие ближневосточного конфликта представителями региональных политико-дипломатических кругов. Высший статус делегатов, где с одной стороны присутствовал иорданский монарх, а с другой премьер-министр

еврейского государства не оставили сомнений о выгоде заключенного мира у представителей политического истеблишмента.

Дипломатический процесс ближневосточного урегулирования уже не обходился без посредничества американской стороны, которая в случаях необходимости применяла различные дипломатические маневры с целью сгладить разногласия в ходе переговорного процесса для повышения шанса на их успешное завершение. Весь комплекс подобных мер совершался благодаря усилиям госсекретаря У. Кристофера и президента Б. Клинтона уже апробированными методами «челночной дипломатии». В ходе переговоров трехсторонние дипломатические контакты стали неотъемлемой частью данной ветви урегулирования. Стоит отметить, что израильская дипломатия порой действовала в т.ч. в интересах иорданских коллег, убеждая американскую сторону в необходимости разрешения некоторых финансовых вопросов хашимитской монархии с целью упрощения хода мирного урегулирования [136]. В предшествующей мирному договору «Вашингтонской декларации» [4], в частности известной под названием «инициатива Клинтона», практически все содержание преамбулы было посвящено благодарственным пожеланиям американскому президенту.

Касательно непосредственно содержания иордано-израильского мирного договора, то оно подразумевало взаимные гарантии мира и безопасности, активное содействие сторонами развитию взаимоотношений на основе взаимопомощи, соблюдение принципов и норм международного права [15]. Согласно девятой статье соглашения, сторонами признавалось право Иорданского Королевства участвовать в определении будущего Иерусалима, что вкупе с условиями резолюции СБ ООН № 242, вернуло Иордании некоторые оккупированные Израилем территории. Важным результатом соглашения явилось установление официальных дипломатических отношений между странами.

Подобный сценарий подтверждает тезис о том, что иордано-израильский вектор дипломатического урегулирования конфликта стал переломным моментом в истории ближневосточного мирного процесса. Несмотря на то, что во взаимоотношениях двух стран на момент реализации основных положений заключенного мирного соглашения, сложившаяся действительность позволила внести огромный вклад в историю дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, чему послужила готовность сторон отказаться от невыполнимых амбиций и на паритетной основе приступить к переговорному процессу.

Резюмируя содержание главы, необходимо подчеркнуть, что арабский вектор дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, особенно в течении XX века, можно охарактеризовать следующим образом: нежеланием сторон поступаться собственными интересами в угоду поиску компромисса или даже установлению всеобъемлющего мира, неотъемлемой особой ролью американской дипломатии в качестве посреднического фактора, во многом определившего успех процесса ближневосточного урегулирования,

повышением значимости «третьей стороны» в процессе политико-дипломатического урегулирования и поэтапным становлением современного облика мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

ГЛАВА 4

ПОИСКИ ПУТЕЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

4.1 Дипломатическое урегулирование палестинской проблемы на рубеже веков и актуальное состояние мирного процесса

Мадридская конференция предопределила характер дальнейшего дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, в частности, его палестинского направления. Несмотря на некоторую безрезультативность итогов международной мирной конференции, готовность сторон к продолжению контактов в рамках мирного урегулирования обуславливает практически мгновенное по сравнению с предыдущими периодами многолетнего перерыва продолжение процесса дипломатического урегулирования. В данном случае имеется ввиду израильско-палестинская встреча в Норвегии весной 1993 г.

За год до этого, норвежский дипломат Я. Эгеланд представил члена израильского Кнессета Й. Бейлина знакомому норвежскому академику и будущему координатору ближневосточного процесса под эгидой ООН Т. Ларсену и предложил израильскому коллеге Норвегию в качестве места для начала секретных переговоров. Норвежцы в лице Т. Ларсена и министра иностранных дел Й. Холста обеспечили участникам переговоров достойный уровень гостеприимства, выступая в роли стороны-посредника. На протяжении всего периода переговоров формальный дипломатический процесс сопровождался неофициальной линией переговоров. Помимо данного фактора, успешность переговоров также обеспечил их секретный характер, что позволило норвежской стороне внести новый элемент в сложившийся до этого формат мирного урегулирования, когда «третья сторона» вносила прямо или косвенно негативные коррективы в ход двухстороннего урегулирования. Данный факт нашел свое отражение в мемуарах участников переговоров, в частности, Я. Арафат отмечал, что «впервые в истории арабо-израильского урегулирования страна-посредник действительно заняла нейтральную позицию по отношению к обоим сторонам» [70].

Пятнадцать заседаний в течении восьмимесячного периода вкупе с приведенными фактами обеспечили успешность процесса Осло в тех аспектах, которые обуславливали весьма посредственный характер практических результатов мадридско-вашингтонского переговорного процесса. Однако, американская сторона вновь оказала дипломатическое посредничество в силу того, что подписание Декларации принципов происходило в Вашингтоне, завершившись историческим рукопожатием израильского премьер-министра И. Рабина и председателя ООП Я. Арафата. После подписания соглашений обоих этапов Осло, значение американской дипломатии в контексте сопровождения ближневосточного урегулирования только возросло. Примечательным эпизодом стал «ночной» звонок израильской стороны американскому координатору по

Ближнему Востоку Д. Россу [65], таким образом стороны вновь воспользовались услугами американской «челночной дипломатии», что повлияло на подписание итогового соглашения второго этапа Осло уже утром.

В частности, успешность проведенных переговоров обуславливается равным статусом их участников. Израильскую дипломатию представляли премьер-министр И. Рабин, министр иностранных дел Ш. Перес и видный израильский дипломат Й. Бейлин. Палестинское же представительство состояло из председателя ООП Я. Арафата и его помощников будущего президента Палестины М. Аббаса, члена палестинской администрации Х. Асфура, казначея ООП А. Курей и экономический советник М. аль-Курд [21]. Что касается американской стороны, то статус делегатов-посредников был значительно скромнее.

Обе стороны сохраняли статус процесса в Осло в тайне от коллег-дипломатов, участвующих переговорах в Вашингтоне, тогда как ход последних был известен норвежским делегатам, в частности благодаря членам палестинской делегации, имеющим доступ к документации американского трека переговоров. Сравнивая оба процесса, необходимо отметить, что делегаты в Осло в большей степени склонялись к компромиссным решениям нежели их коллеги из Вашингтона. На данный факт также оказала влияние небольшая пауза в рамках вашингтонского трека переговоров, в то время как в ходе норвежских переговоров перерывов не было.

Таким образом, первыми результатами норвежских переговоров стало взаимное признание сторон, достижение договоренностей в сфере временного самоуправления путем парафирования т.н. «соглашения о принципах», провозглашающих создание палестинской автономии. Визирование документа произвели представители стран-посредников, а именно министр иностранных дел РФ Ф. Козырев и госсекретарь США Д. Бейкер [63]. В последующем подписанты обменивались письмами, в которых подтверждали свою приверженность достигнутым договоренностям. Так, в письма израильского премьер-министра Я. Арафату говорилось о том, что «Израиль признает ООП как представителя народа Палестины», а в ответном письме И. Рабину председатель палестинской делегации отмечал, что «Палестина признает право Государства Израиль на существование».

Касаемо реализации принятого документа, то сроки выглядели следующим образом: до 13 апреля 1994 г. необходимо было осуществить вывод израильского военного контингента из Газы и Иерихона, до 13 июля необходимо было провести выборы в Национальный Совет Палестины (НСП), до конца декабря положить начало новой ветви переговорного процесса по вопросам поселенческой политики, беженцев, принадлежности Иерусалима, Западного берега реки Иордан и Сектора Газа и ряда других принципиальных вопросов [41].

После ратификации Декларации принципов в сентябре 1993 г., Нобелевский комитет присудил Нобелевскую премию мира израильскому премьер-министру И. Рабину, главе внешнеполитического ведомства Ш. Пересу

и председателю ООП Я. Арафату, по достоинству оценив усилия сторон в рамках дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта.

Подписание декларации оказалось возможным благодаря признанию израильским правительством резолюций СБ ООН № 242 и № 338, что лишний раз подчеркивает роль ООН в ближневосточном урегулировании. Стоит отметить тот факт, что итоговый документ заложил основу поэтапного урегулирования палестинского вопроса, что и определяет его статус как «промежуточного». Однако, соглашение о принципах обладало рядом спорных аспектов. Прежде всего, вместе с решением о создании автономии не были определены ее четкие границы, оставив этот вопрос открытым. Вероятность его разрешения была достаточно мала с самого начала, учитывая ряд других принципиальных вопросов, требующих внимания сторон.

Кроме того, текст соглашения открывал для сторон возможность двойной трактовки его положений согласно собственным интересам и приоритетам. Кроме того, международная практика подразумевает передачу подписанных в ходе урегулирования международных конфликтов документов в секретариат или архив международного суда ООН, однако в данном случае подобная практика была проигнорирована [102].

В ходе реализации положений Декларации был составлен ряд дополнительных документов, в частности, соглашение «Газа-Иерихон» (1994) [69] о выводе израильских войск со спорных территорий Западного берега и палестинского города Иерихон, передаче там управления некоторыми видами деятельности органам самоуправления, приглашении нескольких сотен международных наблюдателей с передачей мандата на контроль за реализацией положений документа и др.

Следующим этапом дипломатического урегулирования стало подписание соглашения о расширении палестинской автономии под неформальным названием «Осло II». Среди ряда основных условий (демилитаризация, выборы, расширение самоуправления, освобождение политических заключенных [95, с. 81-85]) соглашения присутствовал пересмотр положений Палестинской хартии [132] 1968 г. о «незаконности существования еврейского государства и необходимости его ликвидации». Кроме того, стороны договорились об еще одной встрече с целью урегулирования дипломатическим путем оставшихся аспектов.

Дальнейшему развитию процесса мирного дипломатического урегулирования способствовало скорое выполнение упомянутого выше исключения из текста Палестинской хартии статьи о статусе Израиля. Данное решение нашло поддержку в арабском сообществе. Израильская сторона предприняла ответный шаг в виде исключения из программы правящей тогда партии «Авода» положения «о невозможности образования на подконтрольных территориях палестинского государства» [98]. Подобные шаги значительно повышали шансы на успешную реализацию дальнейшего дипломатического урегулирования, что и произошло в 1996 г. в египетском городе Таба. Однако, успехов в ходе переговоров достичь не удалось.

Таким образом, Декларация принципов стала значимым шагом в контексте палестино-израильского дипломатического урегулирования на рубеже веков. Занявший пост премьер-министра в 1996 г. лидер правоцентристской партии «Ликуд» Б. Нетаниягу не спешил с продолжением миротворческих инициатив своих предшественников, которые путем участия в переговорном процессе признали право ООП на осуществление представительства палестинского народа. Премьер вернулся к позиции раннего правительства еврейского государства, не допускающего каких-либо компромиссов без гарантий мира со стороны оппонента.

Благодаря подобной программе, Б. Нетаниягу сумел сплотить вокруг себя религиозно-ортодоксальный и ультранационалистический электорат, заинтересованный в продолжении проводившейся ранее поселенческой политики и недопущении компромисса с «врагами» еврейского народа в той или иной форме возражающими против еврейской нации и существовании оной на территории современного Израиля. Таким образом, осуществился возврат к «правой» направленности политики, подразумевающей отказ от компромисса со стороны еврейского государства по отношению к Палестине на «равных» условиях. Территориальный вопрос Иерусалима и Голанских Высот перестал рассматриваться в качестве разменной карты даже в рамках формулы «территория в обмен на мир». Подобная политика противоречила соглашениям Осло, что значило трансформацию их статуса из прочного фундамента в серьезное препятствие дальнейшему процессу дипломатического урегулирования.

Встретившись с серьезно настроенной либеральной оппозицией, премьер-министр заверил, что нынешнее правительство сохранит курс на соблюдение всех заключенных ранее договоренностей и потребовал возобновления переговорного процесса в рамках вывода израильского военного контингента из Хеврона, что подразумевалось условиями соглашения «Осло II» 1995 г., однако его реализация была отложена в связи с началом парламентских выборов в Израиле. Избранный премьер-министром Б. Нетаниягу считал необходимым пересмотр условий заключенного документа, против чего возражала палестинская сторона.

Продолжительное политическое давление со стороны арабских стран и мирового сообщества вынудили премьер-министра вернуться к продолжению процесса дипломатического урегулирования. Семимесячный переговорный процесс при посредничестве американской дипломатии завершился подписанием Хевронских соглашений [56], предусматривающих передислокацию израильских военных контингентов согласно условиям временного палестино-израильского соглашения «Осло-II».

Значимая роль в заключении соглашения отводилась классическому дипломатическому посреднику израильской стороны – Соединенным Штатам. Однако, немаловажный вклад на этот раз внесли российская, германская, французская, иорданская и египетская стороны. Таким образом, ратификация соглашений обоими сторонами произошла 16 января 1997 года [51]. Подписанты

вновь договорились о продолжении переговорного процесса в контексте необходимости разрешения принципиально важных вопросов, например, вопроса святынях в Хевроне.

После того, как премьер-министр столкнулся с оппозицией внутри страны как со стороны либерального, так и со стороны националистического лагеря, в внешнеполитической стратегии относительно палестинского вопроса произошел возврат к той точке, когда стороны отказывались от совместного диалога. Однако, давление со стороны израильского президента Э. Вейцмана вынудило премьера вновь возвращаться к дипломатическим способам взаимодействия за столом переговоров, однако значимые результаты произошедшей встречи Я. Арафата и Б. Нетаниягу отсутствовали [13]. На рубеже веков процесс дипломатического урегулирования в контексте мирного процесса напоминал замкнутый круг, что привело к беспокойству арабского сообщества. В 1996 г. ЛАГ провела серию встреч, по итогам которых выражалась обеспокоенность будущим палестинского дипломатического урегулирования.

Попытки европейских держав и российской дипломатии возродить процесс дипломатического урегулирования не принесли результатов. Изначально, в подобных условиях американская дипломатия временно уменьшила степень собственной заинтересованности в ближневосточном урегулировании. Однако, позже американская сторона с помощью таких видных в ближневосточном урегулировании фигур как дипломат Д. Росс и госсекретарь М. Олбрайт сумела снова усадить стороны за стол переговоров в Уай Планташейн осенью 1998 г., оказывая серьезное давление на обе стороны по ходу переговоров. В октябре того же года стороны подписали меморандум Уай-Ривер, предусматривающий частичное разрешение территориального вопроса путем передачи части оккупированных территорий палестинской администрации, демилитаризацию и дальнейшее урегулирование спорных вопросов, например, о статусе Иерусалима [115]. Однако, соглашение снова так и не вступило в силу по причине политического давления истеблишмента и террористических актов. Примечательно, что на этом фоне палестинская сторона приступила к реализации некоторых положений ранее достигнутых договоренностей.

В декабре 1999 г. вновь активизировалась американская дипломатия в лице президента Б. Клинтона, который самолично провел переговоры с израильской и палестинской сторонами, пообещал своему традиционному региональному союзнику финансовую помощь в целях обеспечения безопасности. Однако, присутствие американской стороны не помешало премьеру настаивать на отказе от реализации положений меморандума Уай-Ривер и дальнейшего ведения переговоров по другим спорным вопросам до тех пор, пока палестинцы не откажутся от своей главной национальной идеи – провозглашения собственного государства, таким образом нивелировав американский вклад на данном этапе.

Замедление процесса мирного урегулирования во многом обуславливает приход ко власти Э. Барака в 1999 г. с лозунгами о необходимости продолжения дипломатического урегулирования. В сентябре того же года состоялась встреча

в Шарм-эш-Шейхе израильского премьера с Я. Арафатом, итогом которой стало подписание одноименного документа о взаимопонимании [134], подразумевающего реализацию положений меморандума Уай-Ривер и дальнейшее продолжение переговоров об «окончательном» урегулировании, завершившихся в 2000 г. заключением новых договоренностей.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось новой израильской инициативой по продолжению дипломатического урегулирования палестинской проблемы. По инициативе израильского премьера Э. Барака, американская сторона в лице президента Б. Клинтона официально пригласила обе стороны в уже известный в рамках ближневосточного урегулирования Кэмп-Дэвид. Однако, успех переговорного процесса 1978 г. не повторился. На протяжении двух недель без посредников стороны увиделись лишь единожды, что требовало значительного вклада со стороны американцев, однако уже апробированные маневры «челночной дипломатии» на этот раз оказались безуспешными. После окончания переговорного процесса стороны признали вопрос Иерусалима ключевым элементом неудачи переговоров.

Американская сторона в лице Б. Клинтона снова инициировала новый этап палестино-израильских переговоров в Вашингтоне в 2000 г., на которых израильская сторона подтвердила собственный отказ разрешения территориального вопроса путем возвращения к границам до 1967 г., из чего можно сделать вывод о намерении Израиля поменять конструкт дипломатического урегулирования по формуле «двухэтапных переговоров», а именно начиная рамочными соглашениями о принципах с дальнейшим переходом к детализации их положений путем парафирования «промежуточных соглашений» по отдельным вопросам, после чего следует «окончательное» урегулирование. Подобная формула в перспективе может служить инструментом оттягивания окончательного урегулирования на очень долгий промежуток времени.

По итогам данных переговоров американский президент представил собственный план ближневосточного урегулирования под названием «Параметры Клинтона» [82], суть которых сводилась к демилитаризации спорных территорий, вводу международных миротворческих сил, необходимости компромисса по разоружению палестинской стороны, аннексии 1-3% палестинского государства, предоставление мандата на наблюдение за реализацией параметров со стороны международной комиссии, необходимости учреждения формулы о праве на возвращение палестинцев на родину, выполнение резолюции ГА ООН № 194 [27], разрешение вопроса Восточного Иерусалима и др. Поощрение оккупационного характера внешнеполитической линии Израиля американским союзником не ускользнуло от внимания палестинской стороны, которая отвергла данные параметры. Однако, американская сторона не намеревалась делать остановки в рамках возрождения мирного палестинского процесса и следующий этап переговоров годом позже начался в Табе. В ходе переговорного процесса стороны выработали положения совместного заявления с декларированием прогресса в деле мирного разрешения

конфликта, однако окончательное соглашение вновь было отложено и переговоры зашли в тупик.

В 2001 г. активизировалась российская дипломатия и уже весной состоялась встреча главы внешнеполитического ведомства Израиль Ш. Переса с российским президентом В. Путиным с целью разработки плана по возвращению конфликтующих сторон за стол переговоров [60]. Российская позиция заключалась в необходимости принятия мер взаимного характера с целью восстановления доверия и выработки устойчивой платформы для возобновления переговорного процесса в рамках ближневосточного мирного процесса, начавшегося Мадридской конференцией. Однако, основным итогом переговоров с российской стороной стало согласие о приемлемости для всех сторон «плана Митчелла» [7], осуждавшего терроризм с палестинской стороны и перегибы в поселенческой политике Израиля.

Израильским вектором участия в мирном процессе российская сторона не ограничилась и в том же году состоялась встреча главы МИД России И. Иванова и палестинского лидера Я. Арафата, по итогам которой стороны согласились с тем, что уже ранее обсуждаемый с Израилем «план Митчелла» является хорошей возможностью возрождения процесса дипломатического урегулирования, однако его условия не позволят сторонам совершать политико-дипломатические маневры.

Продвижению интересов России в контексте ближневосточного урегулирования способствовали усилия известного российского арабиста и видного дипломата Е.М. Примакова, посетившего в начале века пять ближневосточных стран, передав им послания российского президента и призывая конфликтующие стороны к продолжению дипломатического урегулирования.

Кроме того, в рамках ближневосточного урегулирования в начале XXI века имел место т.н. «план Тенета» [7], названный по фамилии директора ЦРУ, проводившего консультации с лидерами и службами безопасности конфликтующих сторон, а позже и с египетским президентом Х. Мубараком. План подразумевал помощь в реализации документа Митчелла в контексте обеспечения безопасности. По факту несоблюдения сторонами положений данных документов, в конце 2001 г. в регион прибыл госсекретарь США К. Пауэлл, что привело к принятию «графика мер по стабилизации региональной ситуации» [17]. Однако, события 2002 г. привели к изоляции палестинского лидера в Рамалле, что означало крах любых попыток реализовать вышеупомянутые планы.

Предпосылкой к следующему этапу переговорного процесса стала речь Дж. Буша мл., в которой американский президент подтвердил, что ближневосточное урегулирование должно опираться на два тезиса. Во-первых, на необходимость длительного поэтапного урегулирования и возможной отсрочкой окончательного в случае таковой необходимости. Во-вторых, на создание временного палестинского государства без вмешательства со стороны других стран с целями нигилистического характера перестроению

палестинского государства. Примечательно, игнорирование глобальных интересов палестинского народа сопровождалось возложением всех издержек подобного сценария «мирного» урегулирования на Палестину, что исключало любой компромисс в рамках переговорного процесса. Однако, необходимо подчеркнуть, что подобный шаг американской стороны был обусловлен скорее желанием США искоренить терроризм нежели открытым потаканием интересам регионального союзника.

Взяв на вооружение план американского президента, активизировалась деятельность «ближневосточного квартета». Первое лондонское заседание в 2002 г. носило чисто формальный характер подтверждения сторонами готовности вносить предложения в рамках реформы палестинского государства, которая должна учитывать интересы непосредственно самих палестинцев [83, с.66]. Второе заседание внесло некоторые коррективы в согласованность позиций участников квартета, видение которых по ряду проблем отличалось. Однако, противоречия не достигли того уровня, при котором американская сторона со своим региональным союзником были бы готовы поступиться интересами безопасности последнего в деле создания национального палестинского государства, но с течением времени стала очевидной необходимость разграничения политики, проблемами безопасности и административного устройства.

После нескольких весьма сомнительных попыток выработки ЕС плана и хронологическим рамок реализации инициативы американского президента, возникла идея о необходимости разработки «дорожной карты», способной выйти за рамки бюрократического оформления политических инициатив, однако, после использования данной идеи американской стороной с целью оправдания агрессии против Ирака, воодушевление американского истеблишмента сменилось игнорированием. Тем не менее, уже в 2003 г. вниманию конфликтующих сторон был предложен план мирного урегулирования «Дорожная карта» [88], подразумевающий перспективу мирного сосуществования Израиля и ПНА, что было подтверждено резолюцией СБ ООН № 1397 [56].

Реализация данного плана предполагалась в три этапа: 1) «разрешение вопросов безопасности путем осуществления региональных реформ»; 2) «создание независимого палестинского государства на основе новой конституции» как промежуточный шаг к окончательному урегулированию; 3) «проведение нового этапа переговорного процесса с целью окончательного разрешения палестинского вопроса в 2005 году». Однако, учитывая тот факт, что данный план не предлагал четкого алгоритма окончательного урегулирования и его положения разрабатывались в отрыве от реального переговорного процесса, это открывало перед израильской дипломатией новые возможности трактовки положений документа в свою пользу. Однако, с течением времени реализация данного плана была приостановлена в силу очевидной несбалансированности.

Попытка возобновления переговорного процесса в 2006 г. путем организации встречи в Аннаполисе оказалась безуспешной и

продемонстрировала сложность всей системы ближневосточного урегулирования в силу наличия проблем с реализацией итогов мирных инициатив, что обусловлено бескомпромиссной позицией конфликтующих сторон и некоторой сложностью в деле оказания объективного и эффективного посредничества третьими странами.

Дальнейшие события ознаменовались попытками администрации Дж. Буша мл. реанимировать переговорный процесс путем дипломатического нажима на руководство ПНА с целью подписания последней «соглашения о принципах», включающего все пункты палестино-израильских вопросов, по которым уже были выработаны договоренности. Менее очевидной целью данного шага стало желанием американо-израильской коалиции отложить актуальные спорные аспекты (Иерусалим, вопрос границ, обеспечения безопасности, суверенитета, политических заключенных, беженцев, водораздела) в долгий ящик, как это предполагалось согласно трансформировавшейся формуле израильской дипломатии в начале XXI века.

Таким образом, ближневосточный мирный процесс вновь зашел в тупик и получил статус ожидающего политических изменений в рамках американского управления. Образовавшийся долгий перерыв был использован руководством Израиля и пришедшим ко власти Б. Нетаниягу с целью дальнейшего перекраивания регионального устройства, в т.ч. путем лоббирования поселенческой политики на территориях Западного берега, Сектора Газа и Восточного Иерусалима и реализацией курса на принятие с 2010-х гг. дискриминационных законов. Касаясь палестинской стороны, то очевидно, что палестинская администрация во главе с М. Аббасом заинтересована в реализации идеи национального государства, однако, факт существования в рамках нынешней Палестины широкой поддержки террористических группировок, оттягивающих вопрос урегулирования и действующих исключительно насильственными методами, не позволяет надеяться на скорую поддержку палестинцами мирной инициативы.

Администрация Б. Обамы не достигла значимых успехов в продвижении процесса ближневосточного урегулирования путем организации и соответствующего дипломатического сопровождения новых мирных инициатив, сосредоточившись на маневрировании внутри региона путем политико-дипломатического давления в т.ч. на конфликтующие стороны, но как такового практического результата в рамках продолжения мирного процесса это не принесло.

После голосования в рамках ГА ООН по вопросу признания независимости палестинского государства в 2012 г., по итогам которого Палестине предоставлялся статус государства-наблюдателя при ООН [26], палестино-израильский вектор дипломатического урегулирования фактически был заморожен в силу того, что стороны выдвигают невыполнимые условия возобновления мирного процесса, например, палестинская инициатива в рамках плана мирного урегулирования, подразумевающего незамысловатый по

содержанию способ разрешения конфликта – возвращение обоих государств к границам 1967 г.

Касаемо актуального плана ближневосточного урегулирования американского президента Д. Трампа, получившего название «Сделка века», необходимо отметить, что на данном этапе данный документ можно охарактеризовать именно как план, а не как четкий алгоритм действий, иначе говоря «дорожную карту». Более того, даже при наличии структурированной программы действий, палестинская сторона не станет участвовать в реализации очевидно невыгодных для себя положений документа, коими они являются сейчас.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что проблема стагнации ближневосточного урегулирования завязана прежде всего на том, что на время своего существования, Израиль апробировал множество подходов к урегулированию, начиная от жесткого варианта с оккупационным характером регионального взаимодействия и отрицанием идеи независимой Палестины как таковой до выработки значимого компромисса и серьезной готовности идти на уступки. По итогам шести десятилетий существования сложно дать однозначный ответ об эффективности тех или иных мер различного характера (будь то двусторонние, трехсторонние, многосторонние или вовсе односторонние) в постоянно изменяющихся условиях.

4.2 Перспективы и рекомендации в отношении процесса мирного урегулирования

Анализ событий в рамках палестино-израильского мирного процесса на рубеже веков и на современном этапе позволяют сделать вывод, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе ситуация может развиваться в контексте нескольких сценариев.

Прежде, израильская сторона может пойти по пути компромисса, но с акцентом на израильское видение реализации положений заключаемых соглашений. Например, путем трансформации палестинских анклавов в систему самоуправляющихся кантонов. Это позволит добиться уменьшения влияния палестинской администрации с последующим взаимодействием с населением через местные органы власти. Подобный вариант исключает какие-либо намеки на независимость и суверенитет, что напрямую повлияет на гибель палестинского государства.

Более того, как показал исторический опыт, децентрализация власти в рамках оформления палестинского государства не добавляет шансов на успех реализации как самого национального проекта родины палестинского народа, так и на палестино-израильское мирное урегулирование.

Учитывая тот факт, что ни одна из израильских партий или коалиционных партийных блоков, даже из т.н. «левого блока», не признают Палестину в границах до 1967 г., сама идея образования суверенного палестинского государства подвергнется единогласному осуждению политического

истеблишмента. Однако, стоит отметить, что система кантонов даст Израилю возможность снять с себя клеймо оккупанта и решить вопрос с границами, сохранив при этом возможность управления спорной территорией.

Оценивая реалистичность подобного сценария, необходимо учитывать политический фактор сложившейся в Палестине обстановки, где ФАТХ и ХАМАС играют отнюдь не последнюю роль и маловероятно выкажут желание прослыть коллаборационистами.

Большей реалистичностью отличается другой вариант развития событий, подразумевающих сохранение статуса-кво и оккупационного характера присутствия на палестинских территориях, что в перспективе может привести к образованию единого государства, но с различными административно-правовыми системами, где израильские граждане получают неофициальный статус привилегированных, тогда как взаимодействие с палестинцами на национальном уровне будет носить косвенный дискриминационный характер, что доказывает актуальная ситуация, когда Израилем все еще используется негативный образ арабского населения и палестинцев с целью политической пропаганды. Для последних это будет своеобразной системой апартеида, но подобная действительность является куда более устойчивой в долгосрочной перспективе.

В краткосрочной же перспективе актуальными выглядят следующие альтернативы:

1. Образование временного государства путем одностороннего или двустороннего принятия решения. Вариант урегулирования, подразумевающий использование сторонами апробированной стратегии затягивания времени различными способами, будь то манипуляции с международно-правовой базой урегулирования конфликта или использование насильственных методов. Например, возможная реализация сценария по подобию «Параметров Клинтона», когда воплощается идея об образовании национального палестинского государства, но обладающего временным статусом. При этом возможен вариант, когда израильская сторона навязывает палестинцам свое видение актуальных для государства границ, однако последние получают ресурсные, финансовые и иные преференции. При этом остается актуальной действительностью сохранение Израилем Иерусалима и дальнейшее лоббирование поселенческой политики.

2. Повторное возрастание значимости «третьей стороны». Несмотря на успешный посреднический опыт в XX веке, начало нового века показало, что без активной деятельности по реанимации двусторонних контактов, помощь международных дипломатов может оказаться малоэффективной или даже контрпродуктивной.

3. Сохранение статуса-кво. Наиболее реалистичный сценарий ближневосточного урегулирования в рамках краткосрочного периода, учитывая отсутствие попыток выработки единой позиции или компромисса, отвечающих интересам как правого, так и левого политических лагерей.

Кроме того, опыт последнего десятилетия демонстрирует националистические предпочтения большинства электората, что исключает даже намеки на какие-либо уступки оппоненту.

В отношении альтернатив палестинской стороны, необходимо отметить тот факт, что палестинская администрация прекрасно осознает необходимость проведения реформ, так или иначе меняющих характер как самого палестинского государства, так и регионального устройства. Палестинская администрация имеет возможность инициировать мирный процесс, как уже было доказано в 2014 г., однако на более реалистичных условиях. Учитывая антиизраильские настроения многих представителей региона в ретроспективе, Палестина может использовать данный фактор с целью дипломатического маневрирования и консолидации вокруг себя региональных игроков. Однако, израильская дипломатия хорошо умеет перекраивать складывающуюся действительность в свою пользу, что должно учитываться палестинцами при выработке каких-либо планов и инициатив в данном отношении.

Касаемо рекомендаций в рамках мирного урегулирования конфликта с участием «третьей стороны», то в общих чертах необходимо вести активные действия по разработке альтернативных политико-дипломатических подходов к урегулированию палестинского вектора арабо-израильского конфликта. Очевидной задачей является возобновление переговорного процесса с возможностью как прямого, так и косвенного представительства.

Кроме того, потенциально эффективным способом взаимодействия может оказаться создание конфедеративной единицы в рамках ближневосточного устройства в составе Израиля, Палестины и другого крупного регионального представителя, например, Иордании. Последняя обладает достаточно обширным опытом взаимодействия с обоими сторонами во всех сферах, что может внести положительные коррективы в контексте продвижения мирного процесса. В практической плоскости подобный сценарий позволит разрешить по крайней мере несколько существующих проблемных аспектов, а именно проблему палестинских беженцев и экспансии поселенческой политики Израиля на Западном берегу путем присваивания как беженцам, так и жителям поселений на спорных территориях статуса граждан вновь образовавшейся конфедерации. Очевидными преимуществами представляются экономические преференции сторонам в рамках образования, например, к свободному движению товаров, услуг и капитала.

Резюмируя содержание главы, следует отметить, что в рамках арабо-израильского конфликта палестинская проблема занимает особое место, без преувеличения являясь ядром конфликта, поэтому палестино-израильский мирный процесс – первостепенное направление дипломатического урегулирования. Более того, историческая ретроспектива лишь подчеркивает данный факт, т.к. после заключения соглашений с основными представителями антиизраильской коалиции, большая часть дипломатических маневров была сосредоточена на подготовке и проведении переговорного процесса в контексте палестинского вопроса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, необходимо подчеркнуть факт того, что дипломатические аспекты арабо-израильского конфликта напрямую связаны оформлением контуров и эволюцией ближневосточного мирного процесса, который на различных этапах требовал использования различных моделей взаимодействия, будь двусторонний или многосторонний характер дипломатических контактов.

Начальным этапом развития дипломатического измерения ближневосточного конфликта стали первые попытки установления дипломатических контактов между сионистскими лидерами и палестино-арабским истеблишментом, наметившие контуры посреднического взаимодействия между конфликтующими сторонами.

Так, изначально усилия контролирующей палестинскую территорию Великобритании по инициации дипломатических контактов между сторонами носили благожелательный характер, а на более поздних этапах, осознавая собственный политический вес, британское правительство предприняло попытку урегулировать проблему в одностороннем порядке. В преддверии образования Государства Израиль, Великобритания предприняла весьма изящную попытку перенести ответственность за данную проблему в компетентное поле ООН, после чего борьба за палестинские территории разделилась на два вектора: вооруженная борьба арабского и еврейского населения в Палестине и более искусная дипломатическая борьба за предпочтения мирового сообщества и ООН.

В середине XX века дипломатические контакты осложнялись непримиримостью позиций сторон. С одной стороны, арабское население считало Палестину своей родиной и оттого не желало роста еврейской иммиграции, с другой стороны, евреи желали обрести на территории Палестины собственный национальный очаг. Если изначально лидеры сионистского движения и арабский истеблишмент Палестины проявляли заинтересованность хотя бы к сиюминутным альянсам, то с уходом Великобритании положение стало приобретать еще более непоправимый характер.

Второй этап становления дипломатического измерения ближневосточного конфликта ознаменовался возникновением Государства Израиль. Первая же конфронтация сразу после образования государства в виде арабо-израильской войны завершилась серией весьма успешных контактов с участниками антиизраильской коалиции, с основными участниками которой еврейское государство на протяжении последующих десятилетий будет осуществлять тесные контакты, в особенности на дипломатическом уровне при подписании мирных договоров.

Отправной точкой второго этапа в контексте развития процесса дипломатического урегулирования послужило заключение Египтом соглашения о прекращении военных действий в 1949 г. при посредничестве ООН с последующим менее успешным опытом дипломатического урегулирования в

Женева, Париже и Лозане. Основной вехой египетско-израильского дипломатического урегулирования явились переговоры в Кэмп-Дэвиде.

Необходимо подчеркнуть, что данные переговоры характеризуются наличием нескольких стадий, результатом которых стало подписание премьер-министром Израиля М. Бегоном и президентом Египта А. Садатом при посредничестве американского президента Д. Картера трех соглашений, которые стали основой заключения египетско-израильского мирного договора в 1979 г. и установления таким образом дипломатических отношений, преддверием которого стал комплекс предпринятых сторонами дипломатических шагов, подразумевавший активное взаимодействие путем обмена мнениями в различных форматах.

Нельзя не упомянуть решающую роль США на египетско-израильском треке переговоров. Именно благодаря американскому президенту Д. Картеру стороны смогли сесть за стол переговоров, где на протяжении практически двух недель вели интенсивный переговорный процесс. Кроме того, американский президент не единожды лично вносил коррективы в переговорный процесс, без которых все дипломатические усилия закончились бы провалом. Данный фактор демонстрировал заинтересованность американской стороны в успехе дипломатического урегулирования. Что касается непосредственных участников, важным аспектом являлось обоюдное желание египетской и израильской сторон заручиться таким образом американской поддержкой, прежде всего в финансовой и дипломатической плоскостях.

Опыт египетско-израильских переговоров выделяет сразу три характерные особенности механизмов осуществления дипломатических контактов в контексте арабо-израильского конфликта.

Во-первых, детерминирующая роль американской стороны стала неотъемлемым элементом любых ближневосточных мирных инициатив вплоть до начала XXI века и американская дипломатия стала классическим посредником в двустороннем и многостороннем формате переговоров.

Во-вторых, поиск американской финансовой и дипломатической поддержки зачастую отрицательно влиял непосредственно на итоги двусторонних контактов конфликтующих сторон. Также заметной особенностью являются союзнические отношения американской и израильской сторон, что актуально и по сей день.

В-третьих, израильская дипломатия приобретает стремление к заключению сепаратных сделок вне контекста всеобъемлющего урегулирования. Это связано с тем, что зачастую характер переговоров арабских стран с Израилем носил комплексный характер, включая не только отдельные аспекты дипломатического урегулирования еврейского государства с какой-либо страной, но и палестинскую проблему.

В свою очередь, египетская дипломатия во многом предопределила восприятие арабо-израильского конфликта мировым сообществом и региональными представителями. Так, помимо разрешения территориального вопроса, египетский президент А. Садат и видный дипломат и генсек ООН Б.

Гали, пытались добиться результатов в контексте палестинского вопроса, однако израильской дипломатии удалось размежевать данные вопросы.

С точки зрения содержания, египетско-израильский мирный договор стал единственным положительным итогом кэмп-дэвидских переговоров, открыв возможность восстановления дипломатических отношений между сторонами и возвратив Синай в состав Египта, который поплатился за мирную инициативу временной международной изоляцией и гибелью А. Садата от рук оппозиционного любым мирным инициативам представителя арабского сообщества в 1981 г. Однако, нельзя игнорировать фундаментальное значение данного договора в рамках дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, особенно учитывая опыт прошлого, где нахождение конфликтующих сторон за столом переговоров воспринималось как невозможный сценарий. Данная попытка лишь подчеркивает, что предполагаемая неразрешимость данного конфликта может пошатнуться готовностью как прямых участников, так и «третьей стороны» вести переговоры и искать взаимоприемлемый компромисс в т.ч. в контексте объективной оценки положительной роли дипломатических усилий сторон не участвующими напрямую в процессе мирного урегулирования государствами и организациями.

Третьим этапом становления дипломатического измерения ближневосточного конфликта стало осуществление сирийско-ливанских дипломатических контактов с Израилем. В данном контексте следует подчеркнуть, что сирийско-израильские противоречия тесно переплетены со взаимоотношениями между Израилем и Ливаном, т.к. Сирия считала последний частью своей исторической родины.

В рамках ливано-израильского взаимодействия становится очевидной готовность Израиля сотрудничать с потенциальным врагом при условии необходимости разрешения более принципиальных противоречий, в данном случае подобный фактором выступило сотрудничество Израиля с представителями маронитов, возглавляемых Б. Жмайелем. Националистически настроенные марониты стали главными соперниками ООП в Ливане.

Важную роль в оформлении итогом ливано-израильского взаимодействия сыграл фактор медлительности сторон в контексте необходимости скорейшего заключения мирного соглашения. Израиль действовал с позиции силы, вынуждая ливанскую сторону поступаться собственными интересами, при этом игнорируя персональную возможность идти на уступки.

Предыдущий опыт привлечения американской стороны в качестве посредника закончился не столь удачно в силу того, что изначально представители США действовали в большей степени руководствуясь позицией Израиля, что объясняется желанием американской стороны ослабить признанного арабским миром представителя палестинского народа и правительство Сирии, возглавляемое Х. Асадом. Дополнительным «промахом» американской дипломатии стал план Рейгана по ближневосточному урегулированию, который не только не согласовали с израильской стороной, но и ознакомили с ним М. Бегина всего за несколько часов до предстоящей встречи

с президентом Ливана Б. Жмайелем, что негативно повлияло на ход встречи и восприятие сторон друг другом в дальнейшем. Еще меньшую эффективность обеспечивали попытки американской стороны катализировать заключение мира путем введения в переговорный процесс новых фигур, среди которых присутствовали американский госсекретарь Д. Шульц и посол США в Израиле Ф. Хабиб. Подобные высоты оказались недостижимы для ливанской дипломатии, что упускалось из вида как израильской, так и американской сторонами.

Несмотря на попытку США и его регионального союзника придать израильско-ливанскому дипломатическому урегулированию статус «нового Кэмп-Дэвида», принципиальные различия в статусах, целеполагании и могуществе сторон не позволяло этого сделать. В то время как Египет мог себе позволить равное дипломатическое представительство и политический вес с соответствующим уровнем встречных требований, ливанские дипломаты действовали с некоторой долей обреченности в силу того, что израильский лозунг в Ливане «мир Галилее» был актуален только для еврейского народа, а продолжающаяся война не входила в список национальных приоритетов внутри Ливана и мирное соглашение с Израилем было единственным шансом на стабилизацию внутриполитической ситуации.

Со своей стороны, Сирия акцентировала внимание на том, что подписание нового мирного соглашения с Израилем реализуемо лишь совместно с Ливаном, обладающим статусом суверенного государства и не нуждающимся в представительстве. Намерение Сирии принять участие в переговорном процессе значительным образом обременяло перспективу дипломатического урегулирования данной ветви конфликта. Практической реализацией намерения Сирии внести собственные коррективы в ближневосточное урегулирование явилось согласие на участие в Мадридской мирной конференции в 1991 г. по приглашению американской стороны.

Несмотря на то, что итог мадридских переговоров был несколько сомнительным с точки зрения прогресса в урегулировании, в дипломатическом ключе конференция явилась прочным фундаментом для следующего шага в контексте мирного урегулирования ближневосточного конфликта дипломатическим путем, в частности, уже по состоянию на 1991 г. способствовал укреплению контактов сирийской и израильской сторон.

Сирийско-израильское урегулирование стало возможно после визитов госсекретаря США М. Олбрайт в ряд ближневосточных столиц. Помимо американской стороны, на рубеже веков желание оказать посреднические услуги выказали как некоторые западноевропейские страны, так и правопреемница СССР – Российская Федерация. Несмотря на формально успешное завершение мирного урегулирования, осталось достаточно много неразрешенных аспектов.

Сирийская сторона подчеркивала, что необходимо исключение военных действий в качестве альтернативы переговорному процессу и включение в него всего комплекса арабо-израильских противоречий.

Таким образом, историческая ретроспектива показывает, что сирийско-израильский вектор дипломатического урегулирования сосредоточен на решении территориального вопроса о принадлежности Голанских Высот.

На протяжении XX века переговорный процесс не единожды приостанавливался и даже смена политического руководства в обеих странах не смогла внести ясные коррективы в будущее территориального спора, даже учитывая усилившуюся роль «третьей стороны» в процессе дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта с такими частными составляющими, как сирийский и ливанский вопросы. Однако, если с сирийской стороны проблема дипломатического урегулирования имеет четкие контуры в виде необходимости урегулирования территориального вопроса, то в случае с Ливаном использование переговорного процесса как способа разрешения конфликта находится под вопросом в силу того, что на современном этапе конфликт сосредоточен на противостоянии «Хезболле», а ведение переговоров с подобными группировками является весьма сложным и порой невозможным с практической точки зрения процессом.

История дипломатического урегулирования иорданского вектора арабо-израильского конфликта стала пятым этапом становления дипломатического измерения ближневосточного конфликта. Отправной точкой данного этапа явился вопрос об исторической принадлежности Западного берега реки Иордан и различных аспектов проживания палестинского населения на данной территории, что с самого начала определяло характер взаимодействия и контактов иорданской стороны сначала с сионистами, потом с израильянами.

Данные контакты носили не разовый характер, а уже с самого начала обрели статус долговременного фундамента иордано-израильского взаимодействия. Очевидными стимулами к поддержанию контактов в первую очередь в сфере безопасности является наличие достаточно протяженной общей границы и совместных интересов на подконтрольных сторонам территориях Западного берега реки Иордан и Иерусалима, актуальность палестинской проблемы как для Израиля, так и для Иордании. На более поздних этапах появились такие принципиальные вопросы, как американский фактор, сирийская проблема и необходимость сдерживание исламских фундаменталистов.

Иордано-израильский вектор дипломатического урегулирования конфликта стал переломным моментом в истории ближневосточного мирного процесса. Несмотря на то, что во взаимоотношениях двух стран на момент реализации основных положений заключенного мирного соглашения, сложившаяся действительность позволила внести огромный вклад в историю дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, чему послужила готовность сторон отказаться от невыполнимых амбиций и на паритетной основе приступить к переговорному процессу.

Дипломатический процесс ближневосточного урегулирования не обходился без посредничества американской стороны, которая в случаях необходимости применяла различные дипломатические маневры с целью сгладить разногласия в ходе переговорного процесса для повышения шанса на

их успешное завершение. Весь комплекс подобных мер совершался благодаря усилиям госсекретаря У. Кристофера и президента Б. Клинтона уже апробированными методами «челночной дипломатии». В ходе переговоров трехсторонние дипломатические контакты стали неотъемлемой частью данной ветви урегулирования. Стоит отметить, что израильская дипломатия порой действовала в т.ч. в интересах иорданских коллег, убеждая американскую сторону в необходимости разрешения некоторых финансовых вопросов хашимитской монархии с целью упрощения хода мирного урегулирования [119]. В предшествующей мирному договору «Вашингтонской декларации» [4], в частности известной под названием «инициатива Клинтона», практически все содержание преамбулы было посвящено благодарственным пожеланиям американскому президенту.

Необходимо подчеркнуть, что арабский вектор дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта, особенно в течении XX века, можно охарактеризовать следующим образом: нежеланием сторон поступаться собственными интересами в угоду поиску компромисса или даже установлению всеобъемлющего мира, неотъемлемой особой ролью американской дипломатии в качестве посреднического фактора, во многом определившего успех процесса ближневосточного урегулирования, повышением значимости «третьей стороны» в процессе политико-дипломатического урегулирования и поэтапным становлением современного облика мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Шестым и последним является палестинский вектор развития дипломатических контактов Государства Израиль со странами ближневосточного региона.

Отправной точкой данных контактов стала Мадридская конференция, которая предопределила характер дальнейшего дипломатического урегулирования палестинского направления. Несмотря на некоторую безрезультативность итогов международной мирной конференции, готовность сторон к продолжению контактов в рамках мирного урегулирования обуславливает практически мгновенное по сравнению с предыдущими периодами многолетнего перерыва продолжение процесса дипломатического урегулирования, в частности, в рамках процесса Осло.

Пятнадцать заседаний в течении восьмимесячного периода вкупе с уже упомянутыми факторами обеспечили успешность процесса Осло в тех аспектах, которые обуславливали весьма посредственный характер практических результатов мадридско-вашингтонского переговорного процесса. Американская сторона вновь оказала дипломатическое посредничество в силу того, что подписание Декларации принципов происходило в Вашингтоне. После подписания соглашений обоих этапов Осло, значение американской дипломатии в контексте сопровождения ближневосточного урегулирования только возросло. Примечательным эпизодом стал «ночной» звонок израильской стороны американскому координатору по Ближнему Востоку Д. Россу, таким образом стороны вновь воспользовались услугами американской «челночной

дипломатии», что повлияло на подписание итогового соглашения второго этапа Осло уже утром. В частности, успешность проведенных переговоров обуславливается равным статусом их участников, тогда как статус американских делегатов был значительно скромнее.

Одним из обуславливающих успех норвежских переговоров факторов является то, что оба участника сохраняли статус процесса в Осло в тайне от коллег-дипломатов, участвующих переговорах в Вашингтоне, тогда как ход последних был известен норвежским делегатам, в частности благодаря членам палестинской делегации, имеющим доступ к документации американского трека переговоров. Сравнивая оба процесса, необходимо отметить, что делегаты в Осло в большей степени склонялись к компромиссным решениям нежели их коллеги из Вашингтона. На данный факт также оказала влияние небольшая пауза в рамках вашингтонского трека переговоров, в то время как в ходе норвежских переговоров перерывов не было.

Таким образом, первыми результатами норвежских переговоров стало взаимное признание сторон, достижение договоренностей в сфере временного самоуправления путем парафирования т.н. «соглашения о принципах». Текст соглашения открывал для сторон возможность двойной трактовки его положений согласно собственным интересам и приоритетам, что является еще одной особенностью функционирования механизма израильской дипломатии.

Значимая роль в заключении соглашения отводилась классическому дипломатическому посреднику израильской стороны – Соединенным Штатам. Однако, немаловажный вклад на этот раз внесли российская, германская, французская, иорданская и египетская стороны.

Попытки европейских держав и российской дипломатии возродить процесс дипломатического урегулирования на рубеже веков не принесли результатов. Изначально, в подобных условиях американская дипломатия временно уменьшила степень собственной заинтересованности в ближневосточном урегулировании. Однако, позже американская сторона с помощью таких видных в ближневосточном урегулировании фигур как дипломат Д. Росс и госсекретарь М. Олбрайт сумела снова усадить стороны за стол переговоров в Уай Планташейн осенью 1998 г., оказывая серьезное давления на обе стороны по ходу переговоров. В октябре того же года стороны подписали меморандум Уай–Ривер, предусматривающий частичное разрешение территориального вопроса.

В декабре 1999 г. вновь активизировалась американская дипломатия в лице президента Б. Клинтона, который самолично провел переговоры с израильской и палестинской сторонами, пообещал своему традиционному региональному союзнику финансовую помощь в целях обеспечения безопасности.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось новой израильской инициативой по продолжению дипломатического урегулирования палестинской проблемы. По итогам данных переговоров американский президент представил собственный план ближневосточного урегулирования под названием «Параметры Клинтона»

В 2001 г. активизировалась российская дипломатия и вскоре состоялись отдельные встречи главы внешнеполитического ведомства Израиль Ш. Переса с российским президентом В. Путиным и состоялась встреча главы МИД России И. Иванова и палестинского лидера Я. Арафата с целью разработки плана по возвращению конфликтующих сторон за стол переговоров.

Попытка возобновления переговорного процесса в 2006 г. путем организации встречи в Аннаполисе оказалась безуспешной и продемонстрировала сложность всей системы ближневосточного урегулирования в силу наличия проблем с реализацией итогов мирных инициатив, что обусловлено бескомпромиссной позицией конфликтующих сторон и некоторой сложностью в деле оказания объективного и эффективного посредничества третьими странами.

Таким образом, ближневосточный мирный процесс вновь зашел в тупик и получил статус ожидающего политических изменений в рамках американского управления.

Администрация Б. Обамы не достигла значимых успехов в продвижении процесса ближневосточного урегулирования путем организации и соответствующего дипломатического сопровождения новых мирных инициатив, сосредоточившись на маневрировании внутри региона путем политико-дипломатического давления в т.ч. на конфликтующие стороны, но как такового практического результата в рамках продолжения мирного процесса это не принесло.

Касаемо актуального плана ближневосточного урегулирования американского президента Д. Трампа, получившего название «Сделка века», необходимо отметить, что на данном этапе данный документ можно охарактеризовать именно как план, а не как четкий алгоритм действий, иначе говоря «дорожную карту». Более того, даже при наличии структурированной программы действий, палестинская сторона не станет участвовать в реализации очевидно невыгодных для себя положений документа, коими они являются сейчас.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема стагнации ближневосточного урегулирования завязана прежде всего на том, что на время своего существования, Израиль апробировал множество подходов к урегулированию, начиная от жесткого варианта с оккупационным характером регионального взаимодействия и отрицанием идеи независимой Палестины как таковой до выработки значимого компромисса и серьезной готовности идти на уступки. По итогам шести десятилетий существования сложно дать однозначный ответ об эффективности тех или иных мер различного характера (будь то двусторонние, трехсторонние, многосторонние или вовсе односторонние) в постоянно изменяющихся условиях.

Анализ событий в рамках палестино-израильского мирного процесса на рубеже веков и на современном этапе позволяют сделать вывод, что в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе ситуация может развиваться в контексте нескольких сценариев, каждый из которых имеет свои

положительные стороны и недостатки в контексте сложившейся действительности. В долгосрочной и среднесрочной перспективе возможна реализация двух вариантов: компромиссного и с сохранением статуса-кво. В краткосрочной же перспективе актуальными выглядят следующие альтернативы: образование временного палестинского государства, сохранение статуса-кво и усиление роли «третьей стороны».

Касаемо рекомендаций в рамках мирного урегулирования конфликта с участием «третьей стороны», то в общих чертах необходимо вести активные действия по разработке альтернативных политико-дипломатических подходов к урегулированию палестинского вектора арабо-израильского конфликта. Очевидной задачей является возобновление переговорного процесса с возможностью как прямого, так и косвенного представительства. Кроме того, потенциально эффективным способом взаимодействия может оказаться создание конфедеративной единицы в рамках ближневосточного устройства в составе Израиля, Палестины и другого крупного регионального представителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббас, М. Путь в Осло / Махмуд Аббас. – М.: ИИИиБВ, 1996. – 306 с.
2. Арафат, Я. Война перекроит карту Ближнего Востока / Я. Арафат // Новое время», 1991, № 6. – 257 с.
3. Бовин, А.Е. 5 лет среди евреев и МИДовцев, или Израиль из окна российского посольства. – М., 2002. – 219 с.
4. Вашингтонская декларация («инициатива Клинтона») от 25.07.1994 [Электронный ресурс]. // Электронная политико-правовая библиотека имени Р. Пашкова. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=17996>. Дата доступа: 07.05.2020.
5. Декларация Независимости Израиля, 14 мая 1948 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Кнессета. – Режим доступа: https://www.knesset.gov.il/docs/ru/megilat_ru.htm. Дата доступа: 03.04.2020.
6. Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению [«Договоренности Осло»], 13 сентября 1993 г. [Электронный ресурс]. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html. Дата доступа: 03.04.2020.
7. Доклад Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, 2019 [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/74/35>. Дата доступа: 03.04.2020.
8. Жаботинский, В. Избранное / В. Жаботинский. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. – 442 с.
9. Жаботинский, В. О железной стене / В. Жаботинский // «Рассвет». – 1924. – № 42/43 (79/80).
10. Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 года [Электронный ресурс]. // Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm>. Дата доступа: 08.04.2020.
11. Колобов, А.О. Сила, полная решимости..? (о специальных операциях США, их союзников и влиятельных международных организаций в современной мировой политике / А.О Колобов. – Н. Новгород: Изд-во «Махинур», 2005.
12. Колобов, А.О., Хохлышева О.О. и др. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Монография в 2-х томах. (Т. 1 - Закономерности и особенности развития, Т. 2 – Документы / А.О. Колобов. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ, 2008.
13. Меир, Г. Моя жизнь / Г. Меир. – «Чимкент», 1997.
14. Мирный договор с Иорданией (1994) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guide-israel.ru/history/5135-mirnyj-dogovor-s-iordaniej-1994/>. Дата доступа: 05.05.2020.

15. Мирный процесс-вопросы и ответы [Электронный ресурс]. // Министерство иностранных дел Израиля. – Режим доступа: https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/PeaceProcess/Pages/Peace_Process_FAQ.aspx#11. Дата доступа: 13.04.2020.
16. Нетаньяху, Б. Место под солнцем: борьба еврейского народа за обретение независимости, безопасное существование и установление мира. – Иерусалим, 1996;
17. Официальный интернет портал аналитической группы «МАОФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maof.rjews.net/>. Дата доступа: 07.05.2020.
18. Официальный интернет портал общественной организации «Гуш Шалом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zope.gush-shalom.org/index_ru.html. Дата доступа: 05.05.2020.
19. Официальный интернет портал Центра междисциплинарных исследований в Герцлии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.idc.ac.il/en/pages/home.aspx>. Дата доступа: 04.04.2020.
20. Перес, Ш. Новый Ближний Восток: пер. с англ. / Ш. Перес; Ш. Перес совместно с А. Наор; предисл. А.Е. Бовина. – М.: Прогресс, 1994. – 240 с.
21. Пинскер, Л. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам / Л. Пинскер; пер. с немецкого и предисловие Ю. И. Гессена. – СПб: Тип. Х. Броуде, 1898. – 68 с
22. ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПАЛЕСТИНЕ И НА ДРУГИХ ОККУПИРОВАННЫХ АРАБСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ, 23 September 2009 [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/12session/A-HRC-12-48_ADVANCE1_ru.pdf. Дата доступа: 03.04.2020.
23. Примаков, Е.М.: Анатомия ближневосточного конфликта / Е.М. Примаков. – М.: «Мысль», 1978. 346с.
24. Примаков Е.М., Конфиденциально: Ближний восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века) / Е.М. Примаков. – М., 2006.
25. Пырлин, Е.Д. Ближневосточный лабиринт / Е.Д. Пырлин. – М.: Группа Гросс, 1996.
26. Пырлин, Е. Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы / Е.Д. Пырлин. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 480 с.
27. Пырлин, Е. Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. / Е.Д. Пырлин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 512 с.
28. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181/II (1947) о создании еврейского государства и будущем правительстве Палестины от 29 ноября 1947 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29>. Дата доступа: 04.04.2020.

- 29.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 177 (1988) к вопросу о Палестине и праве палестинского народа на самоопределение от 15 декабря 1988 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/43/177>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 30.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 194/III (1948) о создании Согласительной Комиссии по Палестине от 11 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/43/177>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 31.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 997 (ES-I) (1956) к вопросу Суэцкого кризиса 1956 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/5b887dcdb63624f7852560df0066d4b0?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020. Дата доступа: 04.04.2020.
- 32.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1124 (XI) (1956) к вопросу Суэцкого кризиса 1956 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/6944b31a7b4998fd852560df0069b97e?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 33.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1124 (XI) (1956) о функциях Чрезвычайных вооруженных сил ООН от 24 января 1957 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/5b887dcdb63624f7852560df0066d4b0?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 34.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2253 (ES-V) (1967) по вопросу Иерусалима от 1967 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/a39a906c89d3e98685256c29006d4014?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 35.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2254 (ES-V) (1967) по вопросу Иерусалима от 1967 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/3e28f2c76ebea214852560df00575c0e?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 36.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3102 (XXVIII) (1973) об уважение прав человека в период вооруженных конфликтов от 12 декабря 1973 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/3102%28XXVIII%29>. Дата доступа: 04.04.2020.
- 37.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН ES-10/7 о незаконных действиях Израиля на оккупированных территориях 20 октября от 2000 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа:

- <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/08596718a4f2273685256998004d3993?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
38. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 10/13 о незаконных действиях Израиля на оккупированных территориях 27 октября от 2003 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/6da605bd43667fe185256dce00617927?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
39. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 10/14 о строительстве разделительной стены на оккупированных палестинских территориях 12 декабря от 2003 г. [Электронный ресурс]. // Unispal Documents Collection. – Режим доступа: <https://unispal.un.org/unispal.nsf/a06f2943c226015c85256c40005d359c/f953b744269b9b7485256e1500776dca?OpenDocument>. Дата доступа: 04.04.2020.
40. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 35/122 (1980) о затрагивающих права человека действиях Израиля в отношении населения оккупированных территорий от 11 декабря 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/35/122>. Дата доступа: 04.04.2020.
41. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 61/118 (2006) о израильских поселениях на оккупированной палестинской территории и оккупированных сирийских Голанских Высотах от 14 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/118>. Дата доступа: 04.04.2020.
42. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 64/20 (2009) по Иерусалимскому вопросу от 2 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/20>. Дата доступа: 04.04.2020.
43. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 (1967) о выводе израильских войск после прекращения Шестидневной войны от 22 ноября 1967 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/ru/S/RES/242(1967)). Дата доступа: 04.04.2020.
44. Резолюция Совета Безопасности ООН № 252 (1968) по вопросу Иерусалима, недействительности законодательных и административных мер от 21 мая 1968 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/252\(1968\)](https://undocs.org/ru/S/RES/252(1968)). Дата доступа: 04.04.2020.
45. Резолюция Совета Безопасности ООН № 338 (1973) о начале переговорного процесса и имплементации резолюции № 242 от 15 августа 1973 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/338\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/338(1973)). Дата доступа: 04.04.2020.
46. Резолюция Совета Безопасности ООН № 425 (1978) о решении ливанского вопроса [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета

- Безопасности ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1978>. Дата доступа: 04.04.2020.
47. Резолюция Совета Безопасности ООН № 446 (1979) по вопросу израильских поселений на оккупированных территориях от 22 марта 1979 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/446\(1979\)](https://undocs.org/ru/S/RES/446(1979)). Дата доступа: 04.04.2020.
48. Резолюция Совета Безопасности ООН № 452 (1979) о положении на оккупированных арабских территориях от 20 июля 1979 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/452\(1979\)](https://undocs.org/ru/S/RES/452(1979)). Дата доступа: 04.04.2020.
49. Резолюция Совета Безопасности ООН № 465 (1980) о юридической недействительности поселенческой политики Израиля на оккупированных территориях и применении положений четвертой Женевской конвенции от 1 марта 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/465\(1980\)](https://undocs.org/ru/S/RES/465(1980)). Дата доступа: 04.04.2020.
50. Резолюция Совета Безопасности ООН № 471 (1980) по факту использования взрывоопасного оружия в отношении палестинской администрации, о положении на оккупированных арабских территориях от 5 июня 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/471\(1980\)](https://undocs.org/ru/S/RES/471(1980)). Дата доступа: 04.04.2020.
51. Резолюция Совета Безопасности ООН № 476 (1980) об Иерусалиме и предпринимаемых Кнессетом шагах от 30 июня 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/476\(1980\)](https://undocs.org/ru/S/RES/476(1980)). Дата доступа: 04.04.2020.
52. Резолюция Совета Безопасности ООН № 478 (1980) о прекращении действия дипломатических миссий в Иерусалиме, от 20 августа 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/478\(1980\)](https://undocs.org/ru/S/RES/478(1980)). Дата доступа: 04.04.2020.
53. Резолюция Совета Безопасности ООН № 497(1980) о недействительности юрисдикции Государства Израиль на Голанских Высотах, от 17 декабря 1980 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)). Дата доступа: 04.04.2020.
54. Резолюция Совета Безопасности ООН № 605(1987) о нарушении прав человека в ходе интифады Аль-Акса от 22 декабря 1987 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. –

- Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/RES/605> (1987). Дата доступа: 04.04.2020.
55. Резолюция Совета Безопасности ООН № 641 (1989) о продолжающейся депортации палестинского населения с оккупированных территорий от 30 августа 1989 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/641\(1989\)](https://undocs.org/ru/S/RES/641(1989)). Дата доступа: 04.04.2020.
56. Резолюция Совета Безопасности ООН № 904 (1994) о мерах по активизации мирного процесса в рамках Хевронских соглашений от 18 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/904\(1994\)](https://undocs.org/ru/S/RES/904(1994)). Дата доступа: 04.04.2020.
57. Резолюция Совета Безопасности ООН № 799 (1992) о положении на оккупированных арабских территориях от 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/799\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/799(1992)). Дата доступа: 04.04.2020.
58. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1322 (2000) о палестинском вопросе, в т.ч. нарушениях Израилем положений четвертой Женевской конвенции по отношению к палестинцам от 7 октября 2000 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1322\(2000\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1322(2000)). Дата доступа: 04.04.2020.
59. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1397 (2002) о двугосударственной формуле существования Палестины и Израиля от 12 марта 2002 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1397\(2002\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1397(2002)). Дата доступа: 04.04.2020.
60. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1428 от 30 июля 2002 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2002/res1428.htm>. Дата доступа: 17.05.2020.
61. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1515 (2003) об утверждении «дорожной карты» т.н. Ближневосточного квартета от 19 ноября 2003 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1515\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1515(2003)). Дата доступа: 05.04.2020.
62. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1525 от 30 января 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал ООН. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2004/res1525.htm>. Дата доступа: 17.05.2020.
63. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1701 (2006) о прекращении военных действий в Ливане от 11 августа 2006 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1701\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1701(2006)). Дата доступа: 05.04.2020.

- 64.Резолюция Совета Безопасности ООН № 1860 (2009) о ситуации в Секторе Газа от 8 января 2009 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1860\(2009\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1860(2009)). Дата доступа: 04.04.2020.
- 65.Резолюция Совета Безопасности ООН № 2234 (2016) о деятельности по созданию израильских поселений на территории Западного берега реки Иордан от 23 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал Совета Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2234\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2234(2016)). Дата доступа: 05.04.2020.
- 66.Российское государственное информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/>. Дата доступа: 14.04.2020.
- 67.Рыжов, И.В., Золина Д.М., Интяков А.А. Роль ведущих европейских держав в процессе урегулирования ближневосточного конфликта / И.В. Рыжов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 213-219.
- 68.Соглашение «Газа-Иерихон» от 4 мая 1994 года. Справка [Электронный ресурс]. // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090504/169899680.html>. Дата доступа: 07.05.2020.
- 69.Совместное советско-американское заявление по вопросам ограничения стратегических вооружений [Электронный ресурс]. // Проект «Исторические материалы». – Режим доступа: <http://istmat.info/node/23073>. Дата доступа: 01.05.2020.
- 70.Шевелёв, Д.Л. Генезис палестинской проблемы (1882–1917): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.05 / Д.Л. Шевелев; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 155 с.
- 71.Шевелёв, Д.Л. Декларация Бальфура 1917 г. в современном политическом нарративе. Восток (Oriens). 2018. № 6. С. 91–104. DOI: 10.31857/S086919080002870-4
- 72.Шевелёв, Д.Л. Соглашение Сайкса – Пико в современной ближневосточной политике / Д.Л. Шевелев // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 2 / сост. Е. А. Достанко; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2014. — 208 с.
- 73.Шевелёв, Д.Л. Испытание сионизму: Доклад Д. Бен-Гуриона на Билтморской конференции 1942 г. (из документов архива РАН) / Д.Л. Шевелев // Журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии: т. 6 (11). – Минск-Вильнюс, 2019. – С. 141–161.
- 74.Шевелёва, М.В. Процесс палестино-израильского урегулирования (1991–2001): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / М.В. Шевелева ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 118 с.
- 75.Шевелёва, М. В. Палестино-израильские переговоры о постоянном статусе: проблема Иерусалима / М. В. Шевелёва // Історичні і політологічні дослідження: науковий журнал (Донецьк). — 2004. — № 4 (22). — С. 186—195.

- 76.Шевелёва, М. В. О палестино-израильских переговорах в Кемп-Дэвиде (11—25 июля 2000 г.) / М. В. Шевелёва // Израиль и ближневосточный конфликт в исследованиях молодых российских ученых: от Кемп-Дэвида до интифады Аль-Акса: Сборник. — Вып. 1. — М.: "Тирош — труды по иудаике", 2005. — С. 76—91.
- 77.Шевелёва, М. В. К вопросу о представительстве палестинской стороны не официальных двусторонних и многосторонних переговорах (1991-1993 гг.) / М. В. Шевелёва // Журнал международного права и международных отношений. — 2005. — № 2. — С. 66—70.
- 78.Шевелёва, М. В. Источники по проблеме палестино-израильского урегулирования в конце XX - начале XXI в. / М. В. Шевелёва // Журнал международного права и международных отношений. — 2009. — № 3. — С. 31—37.
- 79.Эпштейн, А.Д. Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке. / А.Д. Эпштейн. — Киев, 2003.
- 80.Эпштейн, А.Д. Израильяне и палестинцы. От конфронтации - к переговорам и обратно. / А.Д. Эпштейн. — М., 2009.
- 81.Эпштейн, А.Д., Варшавер Е. В диалоге с врагом: переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями. / А.Д. Эпштейн. — М., Институт Ближнего Востока, 2012.
- 82.Эпштейн, А.Д., Антитеррористический террор. «Точечные ликвидации» Израилем палестинских лидеров: политические, правовые и моральные аспекты. / А.Д. Эпштейн. — М., Институт Ближнего Востока, 2009.
- 83.Эпштейн, А.Д. Три года после Кэмп-Дэвида и Табы и новые поиски путей урегулирования палестино-израильского конфликта // Программы урегулирования палестино-израильского конфликта. М.2004.
- 84.Эпштейн, А. Д. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том II. Эпоха дипломатии: сорок лет «борьбы за мир», 1974-2014. М.: Институт Ближнего Востока / Мосты культуры, 2014. - 328 с.
- 85.Agreement on the Gaza Strip and the Jericho Area; May 4, 1994 [Электронный ресурс]. // United Nations Political and Peacebuilding Affairs. — Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_940504_Agreement%20on%20the%20Gaza%20Strip%20and%20the%20Jericho%20Area%20%28Cairo%20Agreement%29.pdf. Дата доступа: 03.04.2020.
- 86.Ajami, F. Iraq and the Arabs Future [Электронный ресурс] // Foreign affairs, January/February, 2003. — Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2003-01-01/iraq-and-arabs-future>. Дата доступа: 06.04.2020.
- 87.Applied Research Institute—Jerusalem [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.arij.org/>. Дата доступа: 06.05.2020.
- 88.A Performance-based Road Map to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian Conflict; 30 apr 2003; [Электронный ресурс]. Israel Ministry of

- Foreign Affairs. — Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_030430_PerformanceBasedRoadmapTwo-StateSolution%28ru%29.pdf. Дата доступа: 01.04.2020.
89. Balfour Declaration: Text of the Declaration [Электронный ресурс]. Jewish virtual library. — Режим доступа: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/text-of-the-balfour-declaration>. Дата доступа: 01.04.2020.
90. Beilin, Y. The Path to Geneva: The Quest for a Permanent Agreement, 1996—2004 / Y. Beilin. New York: RDV Books — Akashic Books, 2004.
91. Beilin, Y. Touching peace: from the Oslo accord to a final agreement / Yossi Beilin // London, 1999;
92. Beirut Declaration on Saudi Peace Initiative-28-Mar-2002 [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. — Режим доступа: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/beirut%20declaration%20on%20saudi%20peace%20initiative%20-%2028-.aspx>. Дата доступа: 05.04.2020.
93. British White Paper of 1939 [Электронный ресурс]. Lillian Goldman Law Library. — Режим доступа: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1939.asp. Дата доступа: 05.04.2020.
94. Camp David Accords; September 17, 1978 [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/campdav.asp. Дата доступа: 01.04.2020.
95. Caplan, Neil. Futile Diplomacy. Early Arab-Zionist Negotiation Attempts. 1913-1931, V.I-II, L., 1983-1986.
96. Eisenberg Laura Z., My Enemy's Enemy: Lebanon in the Early Zionist Imagination, 1900-1940, Detroit, 1994.
97. Declaration of the European Economic Union for the Middle East [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://europa.eu/european-union/about-eu/history/1970-1979/1977_en. Дата доступа: 07.05.2020.
98. Eisenberg, Laura Zittrain and Caplan, Neil. Negotiating Arab-Israeli Peace. Patterns, Problems, Possibilities. / L. Z. Eisenberg. — Bloomington and Indianapolis, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/262088927_Negotiating_Arab-Israeli_Peace_Patterns_Problems_Possibilities_2nd_edn_by_Laura_Zittrain_Eisenberg_Neil_Caplan. Дата доступа: 06.04.2020.
99. Egypt's Road to Jerusalem: A Diplomat's Story of the Struggle for Peace in the Middle East [Электронный ресурс]. // Foreign Affairs. — Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1997-07-01/egypts-road-jerusalem-diplomats-story-struggle-peace-middle-east>. Дата доступа: 07.05.2020.
100. Eytan, W. The First Ten Years: A Diplomatic History of Israel / W. Eytan. — N.Y. 1958 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.archive.org/stream/firsttenyearsadi001996mbp/firsttenyearsadi001996mbp_djvu.txt. Дата доступа: 08.04.2020
101. Final Declaration of the Twelfth Arab Summit Conference (Including the Fez (Fahd) Peace Initiative); 3 December 1982 [Электронный ресурс]. Интернет-

- портал ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-176666/>. Дата доступа: 05.04.2020.
102. Framework for Peace in the Middle East and Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel (Camp David Accords) [Электронный ресурс]. Интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://peacemaker.un.org/egyptisrael-frameworkforpeace78>. Дата доступа: 05.05.2020.
103. Frankel, G. Beyond and Promised Land. Jews and Arabs on the Hard Road to a New Israel. / G. Frankel. - N.Y., 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1995-03-01/beyond-promised-land-jews-and-arabs-hard-road-new-israel>. Дата доступа: 06.04.2020.
104. Garfinkle, A. Israel and Jordan in the Shadow of War: Functional Ties and Futile Diplomacy in a Small Peace. / A. Garfinkle N.Y., 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/JCS/article/view/15097/16166>. Дата доступа: 06.04.2020.
105. Gromoll, R. H. Studies of Diplomacy and Negotiations on Troops Withdrawls from Lebanon. / R. H. Gromoll // Pittsburgh, 1987.
106. GUIDE TO THE MIDEAST PEACE PROCESS [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/Guide/Pages/GUIDE%20TO%20THE%20MIDEAST%20PEACE%20PROCESS.aspx>. Дата доступа: 01.04.2020.
107. HUSSEIN YIELDING ON PALESTINIANS. [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1974/04/07/archives/hussein-yielding-on-palestinians-communiqué-issued-bitter-enemies.html/>. Дата доступа: 05.05.2020.
108. Israel-Arab Peace Process: The Khartoum Resolutions (September 1, 1967) [Электронный ресурс]. Jewish virtual library. – Режим доступа: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-khartoum-resolutions>. Дата доступа: 07.04.2020.
109. Israel-Jordan Peace Treaty; 26 Oct 1994 [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/israel-jordan%20peace%20treaty.aspx>. Дата доступа: 03.04.2020.
110. Israel-Syria Disengagement Agreement (1974) [Электронный ресурс]. // The Israeli-Palestinian Conflict: An Interactive Database. – Режим доступа: <https://ecf.org.il/issues/issue/178>. Дата доступа: 17.04.2020.
111. Israeli-Syrian General Armistice Agreement (1949) [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://peacemaker.un.org/israel-syria-general-armistice49>. Дата доступа: 25.04.2020.
112. Israeli-Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip; 28 September 1995 [Электронный ресурс]. // United Nations Political and Peacebuilding Affairs. – Режим доступа:

- https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_950928_InterimAgreementWestBankGazaStrip%28OsloII%29.pdf. Дата доступа: 03.04.2020.
113. Israel-Lebanon Relations: Peace Agreement [Электронный ресурс]. // Jewish virtual library. – Режим доступа: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-lebanon-peace-agreement-may-1983>. Дата доступа: 10.05.2020.
 114. Camp David Accords: Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel [Электронный ресурс]. // The Jimmy Carter Presidential Library. – Режим доступа: https://www.jimmycarterlibrary.gov/research/framework_for_the_conclusion_of_a_peace_treaty. Дата доступа: 10.05.2020.
 115. Kelman, Herbert C. Criating the Conditions for Israel-Palestinian Negotiations // Security in the Middle East. Regional Change and Great Power Strategies. Ed. Samuel F. Wells, Jr. Mark Bruzonscy. Boulder and L.: Westview Press, 1987 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/173671?read-now=1&refreqid=excelsior%3A58490d4d17071ba4980dc624728bf854&seq=1#page_scan_tab_contents. Дата доступа: 06.04.2020.
 116. Kelman, H. C. the Problem-solving Workshop in Conflict Resolution [Электронный ресурс] // Communication in uintenational Politics. / Ed. Merrit, R. L. Urbana: University of Illinois, 1972. – Режим доступа: <https://scholar.harvard.edu/hckelman/publications/problem-solving-workshop-conflict-resolution>. Дата доступа: 06.04.2020.
 117. Kelman, H. C. and Cohen S. P. The Problem-solving Workshop: A Social-psychological Contributin to the Resolutin of International Conflicts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/423340?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents. Дата доступа: 06.04.2020.
 118. Kimche, D. The Last Option. After Nasser, Arafat and Saddam Hussein. The Quest for Peace in the Middle East. / D. Kimche – N.Y., 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1992-03-01/last-option-after-nasser-arafat-and-saddam-hussein>. Дата доступа: 06.04.2020.
 119. Kleiman, A. Approaching the Finish Line: The United States in Post-Oslo Peace Making [Электронный ресурс] // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – Режим доступа: <https://besacenter.org/mideast-security-and-policy-studies/approaching-the-finish-line-the-united-states-in-post-oslo-peace-making-2-2/>. Дата доступа: 15.04.2020.
 120. Lukase, I. The Israeli-Palestinian Conflict. A documentary record; 1967–1990. / I. Lukase. – Cambridge and N.Y., 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/documents-on-the-israelipalestinian-conflict-19671983-edited-by-yehuda-lukacs-new-york-cambridge-university-press-1984-pp-xi-247-2995/69C9F94EF929F3C9F00E5A6A6A2E7450>. Дата доступа: 06.04.2020.

121. Maoz, M. Conflict to Peace? Israel's Relations with Syria and the Palestinians // Middle East Journal, pp. 393-416, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/4329353?seq=1#metadata_info_tab_contents. Дата доступа: 06.04.2020.
122. National Agreement Regarding the Negotiations on the Permanent Settlement with the Palestinians (January 26, 1997) [Электронный ресурс] // Официальный-интернет-портал Кнессета. Режим доступа: http://www.knesset.gov.il/process/docs/bei_eit_eng.htm. Дата доступа: 09.04.2020.
123. Mideast peace process/Situation in Lebanon – USSR/USA joint statement – Letter from USSR and USA [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-185003/>. Дата доступа: 15.05.2020.
124. Official web-site of «Brookings Institution» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/>. Дата доступа: 24.04.2020.
125. Official web-site of «International Crisis group» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/>. Дата доступа: 30.04.2020.
126. Oren, M. Origins of the Second Arab-Israeli War. Egypt, Israel and the Great Powers, 1952-1956, London, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1994-07-01/origins-second-arab-israeli-war-egypt-israel-and-great-powers>. Дата доступа: 06.04.2020.
127. Palestinian Declaration of Independence; 15 nov 1988 — 2013. — Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Palestinian_Declaration_of_Independence. Дата доступа: 03.04.2020.
128. Official site of organization «Peace now» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://peacenow.org.il/en>. Дата доступа: 07.04.2020.
129. Official site of news organization «Al Jazeera» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/>. Дата доступа: 23.04.2020.
130. PEACE TO PROSPERITY, A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People; 28 january 2020 [Электронный ресурс]. // The official White house website. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/peacetoprosperity/>. Дата доступа: 08.04.2020
131. Peres–Hussain Agreement (The London Document), 11 April 1987 [Электронный ресурс]. // Cambridge University Press. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/jordan-the-united-states-and-the-middle-east-peace-process-19741991/pereshussain-agreement-the-london-document-11-april-1987/5319330F755977148D26C2AA72467E4A>. Дата доступа: 05.05.2020.
132. Protocol Concerning the Redeployment in Hebron; 17 Jan 1997 [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/protocol%20concerning%20the%20redeployment%20in%20hebron.aspx>. Дата доступа: 01.04.2020.

133. Prime Minister Rabin and President Carter Meet in Washington [Электронный ресурс]. Center for Israel education. – Режим доступа: <https://israeled.org/prime-minister-rabin-president-carter-meet-washington/>. Дата доступа: 09.04.2020
a. Sadat, A. In search of identity /A. Sadat // Collins, London, 1978
134. Saunders, H. The Other Walls: The Arab-Israeli Peace Process in a Global Perspective [Электронный ресурс] // The National Library of Israel. – Режим доступа: https://www.nli.org.il/en/books/NNL_ALEPH990012612270205171/NLI. Дата доступа: 17.04.2020.
135. Sharon, Ariel. Warrior: An Autobiography [Электронный ресурс]. / Ariel Sharon, David Chanoff. – N.Y.: Simon and Schuster, 1989. – 592 p. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/read/224452441/Warrior-An-Autobiography>. Дата доступа: 08.04.2020.
136. Security Council Official Records, 20 November 1967. [Электронный ресурс] / UNISPAL. – Режим доступа: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/96842546E13A993905256723004E8175>. Дата доступа: 14.04.2020
137. Security Council Official Records, 22 November 1967 [Электронный ресурс] / UNISPAL. – Режим доступа: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/9F5F09A80BB6878B0525672300565063>. Дата доступа: 14.04.2020
138. Shamir, S. The Collapse of Project Alpha [Электронный ресурс]. Oxford Scholarship Online. – Режим доступа: <https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198202417.001.0001/acprof-9780198202417-chapter-5>. Дата доступа: 15.04.2020
139. Sher, G. The Israeli-Palestinian Peace Negotiations, 1999—2001: Within Reach / G. Sher. London; New York: Routledge, 2006.
140. The Israeli Information Center for Human Rights in the Occupied Territories [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.btselem.org/>. Дата доступа: 15.04.2020
141. The Hussein-Arafat Accord 11 February 1985 [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook7/Pages/42%20The%20Hussein-Arafat%20Accord-%2011%20February%201985.aspx>. Дата доступа: 13.05.2020.
142. The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies at Tel-Aviv University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dayan.org/>. Дата доступа: 15.05.2020.
143. The Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs (PASSIA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.passia.org/>. Дата доступа: 17.04.2020.
144. The Palestinian National Charter; 17 Jul 1968 [Электронный ресурс]. Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа:

- <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20palestinian%20national%20charter.aspx>. Дата доступа: 03.04.2020.
145. The Wye River Memorandum; 23 oct 1998 [Электронный ресурс]. // United Nations Political and Peacebuilding Affairs. – Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_981023_The%20Wye%20River%20Memorandum.pdf. Дата доступа: 03.04.2020.
146. The Sharm el-Sheikh Memorandum on Implementation Timeline of Outstanding Commitments of Agreements Signed and the Resumption of Permanent Status Negotiations; 4 September 1999 [Электронный ресурс]. // United Nations Political and Peacebuilding Affairs. – Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_990904_The%20Sharm%20el%20Sheikh%20Memorandum.pdf. Дата доступа: 01.04.2020.
147. Track-II Diplomacy: Lessons from the Middle East / Hussein Agha [et al.]; Belfer Center for Science and International Affairs; Project Director: Sh. Feldman. Cambridge; London: MIT Press, 2003.
148. The Reagan Plan (1982) [Электронный ресурс]. // Jewish virtual library. – Режим доступа: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-reagan-plan>. Дата доступа: 02.05.2020.